

ВОЙНА за КРЕАТИВ

Как преодолеть
внутренние барьеры и начать творить

the **WAR** of **ART**

Break Through the Blocks
and Win Your Inner
Creative Battles

Steven Pressfield

GRAND CENTRAL
PUBLISHING

ВОЙНА за КРЕАТИВ

Как преодолеть
внутренние барьеры
и начать творить

Стивен Прессфилд

Перевод с английского



МОСКВА
2011

УДК 159.923
ББК 88.4
П73

Переводчик Ю. Быстрова

Прессфилд С.

П73 Война за креатив: Как преодолеть внутренние барьеры и начать творить / Стивен Прессфилд; Пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2011. — 188 с.

ISBN 978-5-9614-1720-3

Что мешает художнику написать картину, писателю — создать роман, режиссеру — снять фильм, ученому — закончить монографию? Что мешает нам перестать искать для себя оправдания и наконец-то начать заниматься спортом и правильно питаться, выучить иностранный язык, получить водительские права? Внутреннее Соппротивление. Его голос маскируется под голос разума. Оно обманывает нас, пускается на любые уловки, лишь бы уговорить нас не братья за дело и отложить его на какое-то время (пока не будешь лучше себя чувствовать, пока не разберешься с «накопившимися делами» и прочее в таком духе). Соппротивление скрывает нас и постепенно разрушает наши жизни.

Эта книга поможет понять, что такое Соппротивление, где оно скрывается, как его побороть и наконец претворить в жизнь все те желания и планы, которые могли копиться годами или даже десятилетиями и не находили выхода.

УДК 159.923
ББК 88.4

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

© Stephen Pressfield, 2002
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2011

ISBN 978-5-9614-1720-3 (рус.)
ISBN 978-0-446-69143-7 (анг.)

Посвящается Берне

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 9

Часть первая

Сопrotивление

Определение врага23

Часть вторая

Борьба с Сопrotивлением

Становимся профессионалами79

Часть третья

За пределами Сопrotивления

Высшая сфера125

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стивен Прессфилд написал «Войну за креатив» специально для меня. Для вас, конечно, тоже, но я уверен, что в первую очередь все-таки для меня, потому что я олимпийский чемпион по откладыванию дел в долгий ящик. Я могу откладывать размышления даже о моей проблеме с откладыванием. Я могу откладывать решение моей проблемы с откладыванием, бесконечно размышляя о моей проблеме с откладыванием и т. д. Итак, хитрый Прессфилд попросил меня написать предисловие в срок, зная, что, сколько бы я ни тянул, в конце концов я соберусь и все сделаю. В самый последний момент мне это удалось, и в части первой, «Определение врага», я увидел самого себя, виновато глядящего с каждой страницы. Но уже часть вторая дала мне план боя; часть третья — видение победы; а когда я захлопнул «Войну за креатив», меня накрыла волна абсолютно-го спокойствия. Теперь я знаю, что могу победить в этой войне. А если могу я — значит, можете и вы.

В начале книги Прессфилд определяет врага креативности — Соппротивление. Этим словом он обозначает то, что Фрейд называл влечением к смерти, — разрушительную силу внутри человека, которая проявляется всякий раз, когда мы составляем жесткий долгосрочный план действий,

необходимых для достижения наших целей. Затем он представляет полицейский архив фотоснимков многочисленных личин, за которыми скрывается Соппротивление. Вы узнаете их все, потому что они живут в каждом из нас — вредительство самому себе, самообман, саморазрушение. К нам, писателям, Соппротивление приходит под маской «творческого кризиса» — болезни с поистине ужасными симптомами.

Несколько лет назад я переживал именно такое состояние. И, знаете, чем я занимался? Я перемерил всю свою одежду. Я надевал поочередно все мои рубашки, брюки, свитера, жилетки и носки, а затем раскладывал их по кучкам: весна, лето, осень, зима, Армия спасения¹. Затем я снова сортировал их, на этот раз — деля одежду на весеннюю ежедневную, весеннюю праздничную, летнюю ежедневную... Через два дня такого времяпрепровождения мне стало казаться, что я схожу с ума. Вы хотите знать, как излечиться от творческого кризиса? Вам вовсе не нужно обращаться к психиатру, потому что, как мудро отмечает Прессфилд, поиск «поддержки» — это самая привлекательная личина Соппротивления. Лекарство обнаруживается в части второй — «Борьба с Соппротивлением: Становимся профессионалами».

Стивен Прессфилд — профессионал по определению. Я знаю это, потому что неоднократно при-

¹ Армия спасения — благотворительная организация. —
Здесь и далее прим. пер.

глашал автора «Легенды Баггера Ванса»¹ сыграть партию в гольф. Его это очень соблазняло, но он отказывался. Почему? Потому что он работал, а, как известно любому писателю, бывшему по мячу, гольф — это крайне опасная форма промедления. Иными словами, это Соппротивление. Стивен ратует за железную — можно даже сказать стальную — дисциплину.

Я читал его книги «Врата огня» (Gates of Fire) и «Приливы войны» (Tides of War) во время путешествия в Европу. Я уже давно не слезливый мальчик; после «Красного пони»² я больше никогда не рыдал над книгой, однако романы Стивена трогали меня. Нередко оказывалось, что я сидел в кафе и едва сдерживал слезы, читая о самоотверженной смелости греков, которые создали и спасли западную цивилизацию. Когда я проникал в суть его легкой прозы и понимал, насколько глубокие исследования он провел, как прекрасно он разбирается в человеческой натуре и обществе, какое внимание уделяет деталям, я испытывал благоговейный трепет перед огромным трудом, благодаря которому были созданы эти захватывающие произведения. И я не один так думаю. Когда я покупал книги в Лондоне, мне

¹ «Легенда Баггера Ванса» (The Legend of Bagger Vance) — роман Стивена Прессфилда, экранизированный в 2000 г. Робертом Редфордом в одноименном фильме.

² Новелла Джона Стейнбека.

рассказали, что рассказы Стива теперь используют преподаватели истории из Оксфорда, говоря своим студентам: «Если вы хотите узнать, как жили в Древней Греции, читайте Прессфилда».

Как художник добивается таких результатов? В части второй Прессфилд приводит сложную схему ежедневной работы профессионала, которая включает подготовку, планирование, подразумевает терпение, стойкость и умение трудиться вопреки страху и неудачам без всяких отговорок и хвастовства. И главное — профессионал всегда уделяет основное внимание совершенствованию своего мастерства.

В части третьей, «Высшая сфера», говорится о Вдохновении — этом великолепном плоде, вызревающем на дереве профессионализма. Говоря словами Прессфилда, «когда мы каждый день садимся за работу, вокруг нас концентрируется сила... Мы становимся похожими на магнит, который притягивает железные опилки. К нам приходят новые образы и идеи». Что касается эффекта Вдохновения, я со Стивом полностью согласен. Действительно, потрясающие образы и идеи появляются словно бы ниоткуда. На самом деле эти, казалось бы, спонтанные озарения настолько поразительны, что трудно поверить в то, что они приходят к нам сами по себе. Откуда же тогда берется все лучшее в нас?

Мы смотрим на мир по-разному благодаря источнику Вдохновения. В части первой Стив отслеживает эволюцию Сопротивления, видя в нем

генетическую природу. Я с этим согласен. Источник Сопrotивления — в нас самих. Эта негативная сила, темный антагонист креативности, заложена в человеческой природе. Источник же Вдохновения автор находит не в человеке, а в «высшей сфере». Он верит в муз и ангелов. Конечный источник креативности, утверждает он, имеет божественную сущность. Многие читатели — а возможно, и большинство из них, — будут глубоко тронуты частью третьей.

Я, однако, уверен, что источник креативности лежит там же, где и источник Сопrotивления. Все дело в генах. Именно генам мы обязаны своим талантом — врожденной способности обнаруживать скрытую связь между двумя объектами — образами, идеями, словами, — которых никто ранее не видел, связывать их и создавать третий, совершенно уникальный объект. Подобно нашему интеллекту, талант — это дар, полученный от предков. У некоторых одаренных людей темная сторона их натуры поначалу будет сопротивляться труду, которого требует креативность, но когда они обретут цель, светлая сторона, талант, придет в действие и наградит их. Похоже, что эти проблески творческого дара появляются совершенно неожиданно, и понятно, почему: они приходят из нашего бессознательного. Иначе говоря, если Муза и существует, бездарному человеку она все равно ничего шептать не будет.

И хотя мы со Стивом по-разному смотрим на источник креативности, в главном мы сходимся: когда вдохновение соединяется с талантом, рождаются истина и красота. А когда Стивен Прессфилд писал «Войну за креатив», вдохновение прижимало его талант к сердцу.

Роберт Макки

ЧТО Я ДЕЛАЮ

Я встаю, принимаю душ, завтракаю. Читаю газету, чищу зубы. Если нужно позвонить, звоню. Потом я пью свой кофе. Надеваю счастливые «рабочие» ботинки и завязываю счастливые шнурки — их подарила мне моя племянница Мередит. Я возвращаюсь в кабинет и включаю компьютер. Моя счастливая куртка с капюшоном висит на спинке стула, вместе с волшебным талисманом, который я купил у цыганки в Сент-Мари-де-ла-Мер всего за восемь баксов, и счастливым медальоном Ларго, который я однажды увидел во сне. Я надеваю его. В моей сокровищнице есть и счастливая пушка — сувенир, который мой друг Боб Версанди привез мне с Кубы, из крепости дель Морро. Я направляю ее миниатюрный ствол на свое рабочее место, чтобы она меня вдохновляла. Я читаю свою молитву — обращение к Музе из «Одиссеи» Гомера в переводе Лоуренса Аравийского, которую мне подарил мой старый друг Пол Ринк и которая обитает на полке рядом с моими записками и счастливым желудом с поля битвы при Фермопилах. Половина одиннадцатого. Я погружаюсь в работу. Когда я начинаю делать опечатки, то понимаю, что устал. Прошло часа четыре или около того. Я чувствую, что вымотался. На сегодня довольно. Все, что я сделал, я копирую на диск

и отношу его в бардачок своей машины — на случай, если произойдет пожар. Я выключаю компьютер. Уже три или половина четвертого. Мой рабочий день окончен. Сколько же страниц я написал?

Неважно. Хорошо ли получилось? Я даже не думаю об этом. Главное: сегодня я преодолел Сопротивление.

ЧТО Я ЗНАЮ

Есть одна тайна, которую настоящие писатели знают, а притворяющиеся писателями — нет: самое трудное — не писательство как таковое. Самое трудное — это заставить себя начать. А мешает нам начать Сопротивление.

НЕПРОЖИТАЯ ЖИЗНЬ

У большинства из нас есть две жизни. Одна, которую мы проживаем, и вторая — непрожитая — внутри нас. А между ними — Соппротивление.

Случалось ли вам покупать велотренажер, который затем коротал свой век на чердаке? Бросать диету, занятия йогой или медитацией? Доводилось ли вам гасить в себе позывы заняться духовной практикой, посвятить себя какой-нибудь благородной миссии или служению людям? Вам когда-нибудь хотелось стать матерью, врачом, защитником слабых и беспомощных? Почаствовать в выборах, в борьбе за спасение планеты, за мир во всем мире или за сохранение окружающей среды? Представляли ли вы, каким человеком вы могли бы стать, сколько всего сделать, сколь полно реализоваться? Вы писатель, не написавший ни одной книги, художник, не создавший ни одной картины, предприниматель, до сих пор не начавший свое дело? Тогда вы знаете, что такое Соппротивление.

Как-то вечером я собирался лечь спать
И услышал, как папа разговаривает с мамой.
Папа сказал: «Пусть этот мальчик поет буги-вуги.
То, что внутри него, должно выйти наружу».

Джон Ли Хукер. Boogie Chillen

Соппротивление — самая страшная сила на свете. Оно приносит куда больше несчастий, чем бедность, болезни и эректильная дисфункция. Поддаться Соппротивлению значит разрушить свою душу. Оно не дает нам расти, делает нас меньше, чем мы есть и чем мы рождены быть. Если вы верите в Бога (а я верю), вы должны объявить Соппротивление злом, ибо оно мешает нам жить жизнью, которую предназначил нам Бог, когда наделил каждого из нас уникальным гением. *Гений* — латинское слово; римляне называли так дух внутри нас, святой и незыблемый, который руководит нами, направляя к призванию. Писатель пишет своим *гением*; художник — своим; всякий, кто что-нибудь создает, ведом этим сакральным центром. Это место, где живет наша душа, сосуд, хранящий наш потенциал, наша Полярная звезда.

Но и на солнце бывают пятна, и «пятно» гения — это Соппротивление. Насколько силен позыв нашей души к реализации, настолько же могущественны силы Соппротивления, готовые противостоять ему. Соппротивление быстрее несущейся пули, мощнее локомотива, отказаться от него труднее, чем от крэка. Мы, угробленные Соппротивлением, не одиноки; до нас миллионы славных мужчин и женщин сошли с дистанции, поддавшись ему. А что хуже всего: мы даже не знаем, что нас губит. Я вот не знал. В возрасте от двадцати четырех до тридцати двух лет, Соппротивление швыряло меня с Восточного побере-

жья на Западное и обратно тринадцать раз, а я даже не подозревал, что оно существует. Я высматривал врага повсюду, но не разглядел его у себя под носом.

Вы наверняка слышали подобные истории. Женщина узнает, что у нее рак и что жить ей осталось шесть месяцев. За считанные дни она бросает работу, вновь загорается мечтой сочинять песни в стиле кантри, от которой она отказалась ради детей (или начинает изучать древнегреческий, или посвящает себя уходу за детьми, больными СПИДом). Подруги думают, что она сошла с ума; сама же она никогда не ощущала себя более счастливой. Результат: рак у женщины переходит в стадию ремиссии.

Это все, что требуется? Должны ли мы заглянуть смерти в глаза, чтобы противостоять Соппротивлению? Должно ли Соппротивление уродовать и калечить наши жизни, чтобы мы признали, что оно существует? Сколь многие из нас стали пьяницами, заболели раком и неврозами, умерли из-за наркотиков, сплетен и непрерывной болтовни по мобильному, просто потому, что не делали того, к чему зовут нас наши сердца, наш внутренний гений? Соппротивление разрушает нас. Если бы завтра утром, благодаря какому-нибудь волшебству, каждый погруженный во тьму человек пробудился наделенным силой, и сделал первый шаг к своей мечте, то все психиатры и психотерапевты оказались бы не у дел. Тюремь стояли бы пустыми. Алкогольная и табачная индустрии рухнули бы, вместе с индустрией фастфуда,

пластической хирургией и телевизионными шоу, не говоря уже о фармацевтических компаниях, больницах и медицине как таковой. Насилие в семье исчезло бы, равно как и наркомания, ожирение, головные боли, агрессивное поведение на дорогах и перхоть.

Загляните в свою душу. Вы услышите тоненький тихий голосок, рассказывающий вам — в миллионный раз — о призвании, которое ваше и только ваше. Вы знаете это. Вам уже не нужны слова. И если только я не сошел с ума, сейчас вы не ближе к принятию решения, чем вы были вчера или будете завтра. Вы думаете, Сопротивление — выдумка? Оно убьет вас.

Знаете, Гитлер хотел стать художником. В восемнадцать лет он получил наследство, семьсот крон, и отправился в Вену. Он поступал в Академию изящных искусств, а позже — в архитектурную школу. Кто-нибудь видел его картины? Я — нет. Сопротивление разбило его. Может я и преувеличиваю, но, тем не менее, уверен, что Гитлеру было легче начать Вторую мировую войну, чем взглянуть на чистый кусок холста.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОПРОТИВЛЕНИЕ

Определение врага

Враг — очень хороший учитель.

Далай-лама

ГЛАВНЫЕ МИШЕНИ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Далее следует список видов деятельности, которые чаще всего вызывают Сопротивление.

1. Следование призванию в области литературы, живописи, музыки, кинематографа или любого искусства.
2. Запуск бизнес-проекта или предприятия ради получения прибыли или с иной целью.
3. Диета или здоровый образ жизни.
4. Духовное совершенствование.
5. Любое занятие с целью укрепления брюшного пресса.
6. Прохождение какого-либо курса или программы, помогающих преодолеть нездоровую привычку или привязанность.
7. Обучение чему-либо.
8. Какой-либо поступок, требующий политической, нравственной или моральной смелости, включая решение изменить наш недостойный образ мысли или поведение.
9. Создание организации или предприятия, цель которых — помогать другим людям.
10. Любой поступок, который включает в себя сердечную привязанность. Решение вступить

в брак, завести ребенка, пережить трудный период в отношениях.

11. Решение занять четкую позицию в трудной ситуации.

Иными словами, это любой поступок, который не предполагает немедленного вознаграждения, а нацелен на развитие или обретение здоровья или целостности в будущем. Выражаясь иначе, любой поступок, обусловленный высшей, а не низшей стороной человеческой природы. Любой такой поступок встречает Сопротивление.

Итак, каковы же характеристики Сопротивления?

СОПРОТИВЛЕНИЕ НЕВИДИМО

С опротивление нельзя увидеть, потрогать, услышать или понюхать. Но его можно почувствовать. Мы воспринимаем его как энергию, которую генерирует наша бездеятельность. Это сила отторжения. Негативная сила. Ее цель — отбросить нас назад, отвлечь нас, не дать нам воплотить планы в жизнь.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ВНУТРИ НАС

Похоже, что сопротивление исходит из нас самих. Мы любим думать, что источник сопротивления — наши близкие, работа, начальники и дети. «Периферийные противники», — как говорил Рэт Рили, будучи тренером Los Angeles Lakers.

Сопротивление — не периферийный противник. Оно идет изнутри. Оно порождает и поддерживает само себя. Сопротивление — это наш внутренний враг.

СОПРОТИВЛЕНИЕ КОВАРНО

С опротивление делает все, лишь бы не дать вам сделать вашу работу. Оно будет лжесвидетельствовать, фабриковать, фальсифицировать, соблазнять, запугивать, обольщать. Сопротивление многолико. Оно примет любой вид, чтобы обмануть вас. Оно будет взывать к вашему рассудку, словно юрист, или стрелять вам в лицо, словно грабитель. У Сопротивления нет совести. Оно пообещает все, что угодно, чтобы заключить сделку, а затем, не успеете вы отвернуться, — обманет вас. Если вы верите Сопротивлению на слово, значит, вы заслуживаете того, что вы получаете. Сопротивление всегда лжет и всегда дает неверную информацию.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ВЕЗДЕСУЩЕ

С опротивление похоже на инопланетянина, Терминатора или акулу из «Челюстей». С ним нельзя договориться. Оно не признает ничего, кроме силы. Это машина разрушения, запрограммированная для выполнения единственной задачи: помешать нам делать нашу работу. Сопротивление безжалостно и неутомимо. Уменьшите его до крошечной частицы — и эта частица продолжит атаковать.

Такова природа Сопротивления. Это все, что оно умеет.

СОПРОТИВЛЕНИЕ БЕЗЛИЧНО

С опротивление ничего не имеет конкретно против вас. Оно просто не знает, кто вы такой, ему это не нужно. Сопротивление — это сила природы. Оно действует безлично.

Хотя кажется, что Сопротивление — направленное зло, на самом деле оно действует с безразличием дождя и передвигается по небу по тем же законам, что и звезды. Когда мы собираемся с силами для битвы с Сопротивлением, мы должны помнить об этом.

СОПРОТИВЛЕНИЕ РАБОТАЕТ БЕЗОТКАЗНО

Подобно компасу, который неизменно указывает на Север, Сопротивление ведет нас в «вечную мерзлоту» — призывая к бездействию.

Мы можем использовать это свойство Сопротивления, определяя с его помощью наши главные таланты, наше истинное призвание.



Чем важнее какое-либо стремление нашей души для нашего развития, тем больше Сопротивления мы будем испытывать, следуя ему.

СОПРОТИВЛЕНИЮ ПОДВЕРЖЕНЫ ВСЕ

Мы ошибаемся, думая, что единственные боремся с Сопротивлением. Любой, у кого есть тело, ощущает Сопротивление.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ВСЕГДА НАЧЕКУ

Генри Фонда волновался перед каждым выходом на сцену, даже когда ему было 75 лет. Страх никуда не уходит. Воин и артист живут по одним и тем же правилам, требующим, чтобы каждый день битва начиналась заново.

СОПРОТИВЛЕНИЕ БЬЕТСЯ НАСМЕРТЬ

Цель Сопротивления — не ранить и не покалечить нас. Сопротивление стремится убивать. Его мишень — сердце нашего бытия: наш дух, наша душа, уникальный и бесценный дар, ради которого мы рождены и которого нет ни у кого, кроме нас. Когда мы сражаемся с Сопротивлением, мы ведем смертельную войну.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПИТАЕТСЯ НАШИМ СТРАХОМ

У Сопротивления нет своей собственной силы. Каждая частица энергии, которой оно обладает, получена от нас. Мы питаем его силой нашего страха.

Преодолейте этот страх, и вы победите Сопротивление.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРЕПЯТСТВУЕТ ДВИЖЕНИЮ ВВЕРХ, НО НЕ ВНИЗ

С опротивление препятствует только движению вверх. Оно активизируется, когда мы стремимся следовать нашему призванию к искусствам, пытаемся запустить новаторский проект или перейти на более высокий духовный уровень, подняться нравственно.

А потому, если вы работаете в Фонде матери Терезы в Калькутте, но мечтаете сделать карьеру в телемаркетинге, — не волнуйтесь. Сопротивление выдаст вам бесплатный билет.

СОПРОТИВЛЕНИЕ АКТИВИЗИРУЕТСЯ НА ФИНИШНОЙ ПРЯМОЙ

Одиссей почти доплыл до родных берегов после многолетнего странствия. Итака уже была видна: она была настолько близко, что моряки видели дым костров, которые их семьи жгли на берегу. Одиссей был настолько уверен в своей безопасности, что решил прилечь вздремнуть. Тогда его люди, уверенные в том, что в кожаном мехе Одиссея хранится золото, отыскали и вскрыли этот мех. В нем оказались встречные ветры, которые запечатал туда царь Эол, когда Одиссей гостил на его благословенном острове. Ветры вырвались наружу, и корабли Одиссея были вынуждены двигаться назад по маршруту, преодоленному со столь большим трудом, обрекая его на дальнейшие испытания и страдания до тех пор, пока он в полном одиночестве наконец не вернулся домой.

Самая большая опасность вас подстерегает тогда, когда вы на финишной прямой. В этот момент Сопротивление чувствует, что мы почти победили его. Оно нажимает аварийную кнопку. Оно идет на последний приступ и бьет вас изо всех сил.

Профессионал должен быть готов к этой контратаке. Будьте начеку в конце пути. Не открывайте мех с ветрами.

ИСТОЧНИКОМ СОПРОТИВЛЕНИЯ МОГУТ БЫТЬ НАШИ БЛИЗКИЕ

С опротивление, по определению, исходит от нас самих. Но есть и другая опасность, к которой мы должны быть готовы: вредительство тех, кто нас окружает.

Когда писатель начинает преодолевать свое Сопrotивление — иными словами, когда он начинает писать, — выясняется, что близкие люди ведут себя странно. Они капризничают и скандалят, они болеют; они обвиняют писателя в том, что он «изменился» или «стал другим». Чем ближе эти люди к писателю, тем более странно и эмоционально они будут себя вести. Они пытаются навредить ему.

Причина состоит в том, что они борются, осознанно или нет, со своим собственным Сопrotивлением. Успех начинающего писателя они воспринимают как упрек самим себе. Если он может победить своих демонов, то почему же им это не под силу?

Нередко семейные пары, близкие друзья и даже целые семьи вступают в молчаливый сговор, когда каждый человек обязуется (бессознательно) погрязнуть в том самом болоте, в котором его приятели так уютно устроились.

Начинающий писатель должен быть безжалостным не только к самому себе, но и к тем, кто его

окружает. Найдя дырку в заборе, вы не должны оборачиваться на своего друга, который зацепился штанниной за колючую проволоку. Самое лучшее, что вы можете сделать для него (и он сам вам это скажет, если он действительно ваш друг), — перелезть через забор и пойти вперед.



Лучшее и единственное, что один художник может сделать для другого, — стать для него примером и источником вдохновения.

А теперь рассмотрим следующий аспект Соппротивления — симптомы.

СОПРОТИВЛЕНИЕ И ПРОМЕДЛЕНИЕ

Самое частое проявление Сопротивления — это промедление, потому что ему легче всего дать разумное объяснение. Мы не говорим себе: «Я никогда не напишу свою симфонию». Вместо этого мы говорим: «Я собираюсь написать симфонию, только я начну завтра».

СОПРОТИВЛЕНИЕ И ПРОМЕДЛЕНИЕ II

Самый губительный аспект промедления — то, что оно может войти в привычку. Мы не просто откладываем наши жизни «на потом», мы откладываем их до смертного одра.



Помните: мы можем изменить наши жизни в данный момент — прямо сейчас. Никогда не было и не будет момента, когда мы не в силах изменить нашу судьбу.

В эту самую секунду мы можем поменяться ролями с Сопротивлением.

В эту самую секунду мы можем сесть и сделать нашу работу.

СОПРОТИВЛЕНИЕ И СЕКС

Иногда Сопротивление проявляется в навязчивой одержимости сексом. Почему именно секс? Потому что секс дает немедленное и сильнейшее вознаграждение. Когда кто-нибудь спит с нами, мы ощущаем, что нас поддерживают, одобряют и даже любят. Сопротивление приходит от этого в возбуждение. Оно знает, что отвлекло нас легкой, дешевой приманкой и помешало нам делать нашу работу.

Конечно, не всегда секс — проявление Сопротивления. На своем опыте могу сказать, что вы можете распознать его по степени пустоты, которую вы ощущаете после. Чем более пустым вы себя ощущаете, тем больше уверенности в том, что вашей истинной мотивацией была не любовь и даже не похоть, а Сопротивление.

Совершенно очевидно, что этот же принцип применим к наркотикам, шопингу, мастурбации, телевидению, сплетням, алкоголю и поеданию всего сладкого, шоколадного, острого и соленого.

СОПРОТИВЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Мы создаем себе проблемы, потому что это самый простой способ привлечь внимание. Неприятности — это искусственный заменитель признания. Ведь куда легче попасться в спальне с женой декана, чем наконец закончить эту диссертацию по метафизике.

Слабое здоровье — тоже такого рода «проблема», равно как алкоголизм и наркозависимость, частое попадание в аварии, все виды неврозов, и такие с виду невинные недостатки, как ревность, постоянные опоздания или рэп-музыка громкостью 100 децибел, несущаяся из вашей подержанной «Супры». Все, что искусственно привлекает к нам внимание, — это проявление Соппротивления.

Жестокость к другим — форма Соппротивления, равно как готовность терпеть жестокость от других.

Много работающая художница не будет вяпываться в неприятности просто потому, что это мешает ей делать ее работу. Она изгоняет из своего мира все источники беспокойства. Она обуздывает внутреннее стремление к беспокойству и трансформирует его в свою работу.

СОПРОТИВЛЕНИЕ И ДРАМАТИЗАЦИЯ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Преобразование собственной жизни в «мыльную оперу» — также симптом Сопротивления. Зачем тратить годы на разработку нового программного обеспечения, когда вы можете привлечь ровно столько же внимания, приведя домой бойфренда-уголовника?

Иногда целые семьи бессознательно участвуют в драматизации своей жизни. Дети заправляют баки топливом, взрослые вооружаются бластерами — и звездный корабль мчится из одного захватывающего эпизода в другой. А экипаж знает, как поддерживать движение. Если уровень драматизма слишком снижается, кто-нибудь лихорадочно пытается поднять его. Папа напивается, мама заболевает, Дженни появляется в церкви с татуировкой в полруки. И это срабатывает: никто не получает от жизни ни шиша.

Порой я думаю о Сопротивлении как о своего рода злобном двойнике Санта-Клауса, который обходит дома и проверяет, все ли сделано для разрушения жизни хозяев. А когда он приходит в дом, где непрерывно разыгрывается мыльная опера, его щеки начинают пылать от счастья и он спешит поскорее умчаться на своей упряжке из восьми карликовых северных оленей. Он знает, что в этом доме справляются без его помощи.

СОПРОТИВЛЕНИЕ И БЕСКОНЕЧНЫЕ БОЛЕЗНИ

П ринимаете ли вы регулярно — под контролем или иначе — какое-либо вещество, устраняющее депрессию, беспокойства и т. д.? Я предлагаю вот что.

Когда-то я работал копирайтером в крупном нью-йоркском рекламном агентстве. Наш босс имел обыкновение говорить нам: «Придумайте какую-нибудь болезнь. Придумайте болезнь — и мы сможем продавать лекарство».

Синдром нарушения внимания, сезонное аффективное расстройство, повышенная социальная тревожность... Это не заболевания, это маркетинговые ходы. Их выявляют не врачи, а копирайтеры, маркетинговые отделы, фармацевтические компании.

Депрессия и беспокойство могут быть настоящими. Но под их маской может скрываться и Сопротивление.

Когда мы пичкаем себя лекарствами, чтобы заглушить зов нашей души, мы проявляем себя истинными американцами и образцовыми потребителями. Ведь мы делаем именно то, о чем телевизионная



реклама и поп-культура твердят нам с самого рождения. **Вместо того, чтобы за-действовать самопознание, самодисци-**

плину, упорно трудиться и ставить перед собой долгосрочные цели, мы просто потребляем продукт.

Многие пешеходы были покалечены или убиты на перекрестке Сопротивления и Коммерции.

СОПРОТИВЛЕНИЕ И ЖЕРТВЕННОСТЬ

По оценкам врачей, от 70 до 80% их работы не связано с лечением болезней. Люди не болеют, они драматизируют свою жизнь. Иногда самое трудное в работе врача — сохранять невозмутимое выражение лица. Как сказал Джерри Сайнфелд по поводу 20-летия своей творческой карьеры: «Многое было просто восхитительно».

Проблемы со здоровьем придают значимость вашему существованию. Болезнь, крест, который приходится нести... Некоторые люди постоянно переходят от одного недуга к другому: едва они вылечатся от одной болезни, как на смену приходит другая. Это напоминает акт творения, заменяющий реальные дела, которых жертва избегает, тратя так много сил на поддержание своего состояния.

Акт жертвенности — это форма пассивной агрессии. Его цель — добиться удовлетворения не за счет честного труда, самосовершенствования или любви, но за счет манипулирования другими с помощью молчаливой (а иногда — не особо молчаливой) угрозы. Жертва заставляет других спасать ее или вести себя так, как она хочет, держа окружающих в качестве заложников собственной болезни / душевного распада или просто угрожая сделать

их жизни настолько невыносимыми, что они сами исполнят все ее желания.

Выступление в роли жертвы — антитеза выполнению своей работы. Откажитесь от нее.

СОПРОТИВЛЕНИЕ И ВЫБОР ПАРТНЕРА

Иногда, словно бы не осознавая наше собственное Сопротивление, мы выбираем в партнеры того, кто успешно преодолел или преодолевает Сопротивление. Я не знаю, почему. Возможно, нам легче наделить нашего партнера силой, которой мы на самом деле обладаем, но которую боимся использовать. Возможно, нам не так страшно, если мы верим, что наша половина достойна того, чтобы прожить свою жизнь полноценно, а мы — не достойны. Или, возможно, мы надеемся использовать нашего партнера в качестве модели для подражания. Возможно, мы уверены в том, что часть силы нашего партнера перейдет к нам, если мы всего лишь будем находиться рядом с ним.

Вот как Сопротивление уродует любовь. Оно будит яркие страсти — Теннесси Уильямс мог бы написать об этом трилогию. Но разве это любовь? Если бы вы пользовались поддержкой своей половины, разве не мучило бы вас собственное неумение жить полной жизнью вместо того, чтобы коротать время под покровительством супруга? А если бы вы сами поддерживали партнера, разве не возникло бы у вас желания позволить ему сиять своим собственным светом, а не греться в лучах вашего?

СОПРОТИВЛЕНИЕ И ЭТА КНИГА

Когда я взялся за эту книгу, Сопротивление почти победило меня. Мой внутренний голос твердил, что я должен писать романы, а не философскую беллетристику, и мне не следует излагать эти концепции Сопротивления открыто; вместо этого мне следует включить их в какой-нибудь роман в качестве метафоры. Это довольно-таки тонкий и убедительный аргумент. Логическое обоснование, которое предоставило мне Сопротивление, состояло в том, что мне следовало написать, скажем, произведение о войне, в котором Сопротивление было бы показано в форме страха, испытываемого воином.

Сопротивление также, приняв форму моего внутреннего голоса, утверждало, что мне не следует поучать других или строить из себя философа-мудреца — потому что это желание суетно, эгоистично и, возможно, даже порочно, и в конце концов оно принесет мне вред. Это напугало меня и показалось очень разумным.

В конце концов двигаться дальше меня побудило то, что я чувствовал себя глубоко несчастным, оставаясь на месте и не двигаясь дальше. Как только я садился и приступал к делу, то самочувствие тут же налаживалось.

СОПРОТИВЛЕНИЕ И ОТСУТСТВИЕ СЧАСТЬЯ

Что дает Соппротивление? Во-первых, ощущение пустоты и брошенности. Мы грустим. Страдание заполняет собой все. Мы утомлены, мы беспокоимся. Мы не можем получить удовольствие ни от чего. Нас мучает беспричинное чувство вины. Мы хотим то спать, то безудержно веселиться. Мы чувствуем себя нелюбимыми и недостойными людьми. Мы испытываем отвращение ко всему. Мы ненавидим жизнь. Мы ненавидим себя.

Соппротивление, ничем не сдерживаемое, поднимается на невиданную высоту. Затем появляются пороки. Наркотики, беспорядочный секс, интернет-зависимость.

Совершенно бесспорно, что Соппротивление становится болезнью. Депрессия, агрессия, дисфункция. Затем — настоящее преступление и физическое саморазрушение.

Похоже на реальную жизнь, я знаю. Но это не так. Это — Соппротивление.

Оно особенно коварно потому, что мы живем в потребительской культуре, остро реагирующей на отсутствие счастья и сосредоточившей всю свою жаждущую прибыли артиллерию на линии фронта, чтобы эксплуатировать это чувство. Нам прода-

ют продукт, наркотик, развлечение. Джон Леннон как-то спел:

And, you think you're so clever
and classless and free
But you're all fucking peasants
as far as I can see¹.

Наша обязанность как художников и профессионалов — устроить нашу собственную внутреннюю революцию, локальное восстание в наших головах. Только так мы освободимся от тирании потребительской культуры. Мы пошлем подальше рекламу, фильмы, видеоигры, журналы и канал MTV, которыми мы загипнотизированы с самой колыбели. Мы отключимся от розетки, признав, что способны справиться с нашим страхом, не пополняя счета компании «Дерьмо Инкорпорейтед» — а лишь делая нашу работу.

¹ Вот вы думаете, что вы такие умные, бесклассовые и свободные, / Но я вижу, что вы все — лишь долбаное мужичье (цит. из песни Working Class Hero).

СОПРОТИВЛЕНИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ

И художника, и религиозного фундаменталиста волнует одно и то же — тайна их существования как индивидов. Они задаются одними и теми же вопросами: кто я такой? Зачем я здесь? В чем смысл моей жизни?

На более примитивных стадиях развития человечество не заботили такие вопросы. В состояниях первобытности, варварства, в кочевой культуре, средневековом обществе, в племени и в клане положение человека устанавливалось заповедями общины. И только начиная с древних греков, с рождением свободы и личности, такие темы стали актуальными.

Эти вопросы — не из легких. Кто я такой? Зачем я здесь? Они столь трудны, потому что человек изначально не создан для того, чтобы функционировать как личность. Мы созданы, чтобы жить в племени,



чтобы действовать как часть группы. **Наша психика запрограммирована миллионами лет эволюции охотника-собирателя. Мы знаем, что такое клан; мы знаем, как вписаться в стаю и племя. Но мы не умеем оставаться в одиночестве. Мы не знаем, как стать свободными личностями.**

Художник и религиозный фундаменталист рождаются в социуме на разных стадиях его развития. Художник — это модернизированная модель фундаменталиста. Он живет в культуре, которая обладает благополучием, стабильностью, избытком ресурсов, достаточных для того, чтобы позволить себе роскошь самоанализа. Художник укоренен в свободе. Он не боится ее. Он счастлив. Он родился в нужное время. У него есть стержень, уверенность в себе, надежды на будущее. Он верит в прогресс и эволюцию, в то, что человечество движется вперед, пусть даже хромая и запинаясь.

Религиозный фундаменталист не разделяет таких представлений. Он считает, что упал вниз с более высокого уровня развития. А истину совсем не нужно открывать — она уже открыта. Слово Бога было произнесено и записано Его пророком, будь то Иисус, Мухаммед или Карл Маркс.

Фундаментализм — философия бессильных, побежденных и обделенных. Она зиждется на обломках политических и военных поражений, подобно тому, как еврейский фундаментализм возник во время вавилонского пленения, христианский фундаментализм возник на американском Юге в период Реконструкции, представление о господствующей расе возникло в Германии после Первой мировой войны. Во времена отчаяния покоренная раса погибла бы без доктрины, воскрешающей надежду и гордость. Исламский фундаментализм вырастает из такого же

отчаяния и несет такой же ужасный и могущественный призыв.

Но что же это за отчаяние? Это отчаяние свободы. Упадок и бессилие, переживаемые человеком, вырываются наружу из привычных и уютных структур племени и клана, деревни и семьи. Это состояние современной жизни.

Фундаменталист (или, точнее, обеспокоенный индивид, который приходит к фундаментализму) не может перенести свободы. Он не может найти свою дорогу в будущее и потому ищет убежища в прошлом. В воображении он возвращается в дни славы своей расы и пытается воссоздать и их, и самого себя в более чистом, более благородном свете. Он возвращается к основам. К фундаменту.

Фундаментализм и искусство не противоречат друг другу. Но никакого фундаментального искусства не существует. Это не значит, что фундаменталист не креативен. Скорее, его креативность вывернута наизнанку. Он создает разрушение. Все, что он делает, служит для уничтожения его врагов и его самого.

Однако фундаменталист тратит основную часть своей креативности на создание облика Сатаны, облика своего врага, в противодействии которому он видит смысл своей жизни. Как и художник, фундаменталист переживает Сопротивление. Он переживает его как искушение совершить грех. Сопротивление фундаменталиста — это зов Нечистого, пытающегося

оттолкнуть его от добродетели. Фундаменталист пожирается Сатаной, которого он любит так же, как смерть. Совпадение ли то, что террористы-смертники, взорвавшие Всемирный торговый центр, часто посещали стрип-клубы во время подготовки, или то, что они считали лучшей наградой для себя армию невест-девственниц и разрешение на их изнасилование в небесных публичных домах? Фундаменталист ненавидит и боится женщин, потому что он считает их сосудами греха, искусительницами наподобие Далилы, лишившей силы Самсона.

Чтобы противостоять зову греха, то есть Сопро-тивлению, фундаменталист начинает либо действо-вать, либо изучать священные тексты. Он теряется в них, словно художник в процессе творения. Разни-ца состоит в том, что один смотрит вперед, надеясь создать лучший мир, а другой оглядывается назад, пытаясь вернуться в более чистый мир, из которого выпал он сам и все остальные.

Гуманист верит, что человечество и отдельные люди призваны создавать мир вместе с Богом. Вот почему он так высоко ценит человеческую жизнь. С его точки зрения, мир прогрессирует, а жизнь раз-вивается; каждый человек важен, по крайней мере, потенциально, для поддержания этого процесса. Фундаменталист не может этого осознать. В его системе ценностей инакомыслие — не просто пре-ступление, но измена; это ересь, согрешение против Бога.

Когда фундаментализм побеждает, в мире наступает эра тьмы. И все же я не могу осуждать тех, кто придерживается этой философии. Я рассматриваю мое собственное внутреннее путешествие как преимущество, которое я получил благодаря образованию, финансовому благополучию, поддержке семьи и слепой удаче — родиться американцем. А еще я научился существовать как самостоятельная личность (если она у меня действительно есть) только благодаря женщине легкого поведения и заплатил за это такую цену, о которой мне не хочется вспоминать.



Возможно, человечество не готово к свободе. Может быть, воздух свободы слишком разрежен для того, чтобы мы им дышали. Несомненно, я не стал бы писать эту книгу, если бы жить в свободе было легко. Видимо, как показал Сократ много лет назад,



парадокс состоит в том, что действительно свободный человек свободен лишь в пределах самоконтроля. А те, кто не управляет собой, обречены искать хозяев, которые управляли бы ими.

СОПРОТИВЛЕНИЕ И НЕДОВОЛЬСТВО ОКРУЖАЮЩИМИ

Если вы критикуете других людей, возможно, виной тому все то же Сопротивление. Когда мы видим, как другие начинают жить подлинной жизнью, мы приходим в ярость из-за того, что у нас это не получается.

Люди, реализовавшиеся в своей собственной жизни, почти никогда не критикуют других. Если они и говорят что-либо, то лишь слова одобрения. Следите за собой. Большая часть проявлений Сопротивления вредит только нам. А критика и жестокость вредят и другим.

СОПРОТИВЛЕНИЕ И НЕУВЕРЕННОСТЬ В СЕБЕ

Неуверенность в себе может быть вашим союзником, потому что она служит индикатором сильного стремления к чему-либо. Она отражает любовь, любовь к тому, что мы желаем сделать, и стремление сделать это. Если вы вдруг спрашиваете себя (и своих друзей): «Действительно ли я писатель? Действительно ли я художник?» — есть вероятность, что так оно и есть.

Новатор-самозванец отчаянно самоуверен. А настоящий новатор напуган до смерти.

СОПРОТИВЛЕНИЕ И СТРАХ

Вы парализованы страхом? Это хороший знак.

Страх — это благо. Как и неуверенность в себе, страх — это индикатор. Страх подсказывает нам направление движения.



Запомните такое правило: чем сильнее мы боимся работы или призвания, тем сильнее должна быть наша уверенность в том, что работу необходимо сделать, а за призванием последовать.

Соппротивление переживается как страх, а степень страха равна силе Соппротивления. Следовательно, чем больше страха мы испытываем перед определенным делом, тем важнее это дело для нас. Вот почему мы испытываем такое сильное Соппротивление. Если бы для нас это ничего не значило, не было бы и Соппротивления.

Вы смотрели передачу «В студии актерского мастерства» (Inside the Actors Studio)? Ведущий — Джеймс Липтон — неизменно спрашивает своих гостей: «Что заставляет вас играть ту или иную роль?» И актер всегда отвечает: «Страх неизведанного».

Профессионал берется за проект, который заставит его напрягаться. Он принимается за задачу, которая столкнет его с незнакомой ситуаци-

ей, заставит его изучать бессознательные части своего «я».

Он напуган? Да, и еще как! Он просто ошеломлен.

Профессионал отказывается от ролей, которые он уже играл. Он больше не боится их. Зачем же ему зря тратить свое время?



Итак, если вы парализованы страхом — это добрый знак. Он показывает вам, что именно вы должны делать.

СОПРОТИВЛЕНИЕ И ЛЮБОВЬ

Сопротивление прямо пропорционально любви. Если вы ощущаете мощное Сопротивление, значит вас ожидает огромная любовь. Противоположность любви — не ненависть, а безразличие.

Чем больше Сопротивления вы ощущаете, тем важнее для вас ваш проект или предприятие — и тем более сильное удовлетворение вы ощутите, когда вы наконец реализуете их.

СОПРОТИВЛЕНИЕ И ЗВЕЗДНАЯ БОЛЕЗНЬ

Грандиозная самооценка — симптом Сопротивления. Она — признак любителя. Профессионал уже знает, что успех, как и счастье, приходит в качестве побочного продукта работы. **Профессионал концентрируется на работе, и ему все равно, получает он награды или нет.**



СОПРОТИВЛЕНИЕ И ОДИНОЧЕСТВО

Иногда мы не решаемся пуститься в смелое предприятие, потому что боимся оказаться в одиночестве. Нам удобно, когда нас окружает толпа; и мы нервничаем, когда отправляемся в лес в одиночку.

В этом и состоит фокус: мы никогда не бываем одни. Как только мы отходим от костра в темноту, наша Муза опускается нам на плечо, словно бабочка. Мужественный поступок приводит в действие ту глубинную часть нашего «я», которая поддерживает и подпитывает нас.

Вы видели интервью с молодым Джоном Ленноном или Бобом Диланом, когда журналисты пытались расспросить их об их внутреннем «я»? Парни уклоняются от ответов на эти вопросы. Почему? Потому что Леннон и Дилан знают: та их часть, которая пишет песни, — это не «они», не внутреннее «я», как думают тупоголовые журналисты. Кроме того, Леннон и Дилан знают: та их часть, которая пишет музыку, слишком священна, слишком драгоценна, слишком хрупка для того, чтобы быть облеченной в слова ради удовольствия фанатов (которые сами оказались в ловушке своего собственного Сопротивления). Поэтому они подшучивают над такими фанатами и «отшивают» их.

Для артистов и детей обычное дело — не чувствовать времени или одиночества, когда они преследуют свою мечту. Часы летят. И скульптор, и залезший на дерево малыш вздрагивают, когда мама зовет: «Пора ужинать!»

Друзья иногда спрашивают меня: «Тебе не скучно сидеть одному целый день?» Сначала им казалось странным, что я отвечаю «Нет». А потом я понял, что я не был в одиночестве: я находился в книге, которую писал, я был вместе с героями, я был вместе со своим внутренним «я».

Я не чувствую себя одиноким с моими персонажами — они для меня более живые и интересные, чем люди в реальной жизни. Если вы почувствовали нечто подобное однажды, по-другому уже не будет. Для того, чтобы книга (или любой проект либо предприятие) поглощала наше внимание так долго, необходимо задействовать нечто важное и не решенное в нас самих. Эта проблема становится двигателем нашей работы, даже если поначалу мы не можем понять или озвучить ее. Постепенно появляются герои, каждый из которых воплощает аспект этой проблемы. Они могут быть не интересными больше никому, однако для нас они просто очаровательны. Они — это мы. Более скромные, более умные, более сексуальные версии нас самих. Находиться рядом с ними интересно, потому что они борются с той самой проблемой, которая мучает нас. Они — наши родственные души, наши возлюбленные, наши лучшие друзья. Даже злодеи. Особенно злодеи.

В книге наподобие этой, где нет никаких героев, я тоже не чувствую себя одиноким, потому что я мысленно представляю читателя — честолюбивого художника, похожего на меня, только помоложе и без седины. Я надеюсь передать ему немного живости и вдохновения, а также немного мудрости и несколько тайн ремесла.

СОПРОТИВЛЕНИЕ И ЦЕЛИТЕЛЬСТВО

Доводилось ли вам проводить время в Санта-Фе? Там существует субкультура «целительства». Идея в том, что в тамошней атмосфере есть нечто лечебное. Безопасное место, где можно собираться вместе. Есть и другие места (на ум приходят Санта-Барбара и Охаи, штат Калифорния), обычно населенные представителями высшего среднего класса с некоторым избытком свободного времени и денег, которыми они никак не могут распорядиться. Похоже, что концепция всех таких мест заключается в том, что человеку следует «исцелиться», и только тогда он будет готов делать свою работу.

Это форма Сопротивления.

Что же мы пытаемся исцелить? Спортсмен знает, что у него всегда будет что-нибудь болеть. Это неизбежно.

Помните: та часть нас, которая, как нам кажется, нуждается в исцелении, — это совсем не средоточие созидания и креативности. К нашему созидательному началу нельзя прикоснуться. Оно незапятнанное, неразвращенное, звуконепроницаемое, влагостойкое и пуленепробиваемое. По сути, чем больше у нас проблем, тем сильнее созидательное начало.

В исцелении нуждается наша личная жизнь. Личная жизнь не имеет никакого отношения к работе.

Кроме того, что может быть лучше, чем самостоятельно отыскать наш центр внутренней независимости? Разве не в этом — самая суть исцеления?

Пару десятилетий назад я болтался по Нью-Йорку, зарабатывая таксистом 20 баксов за ночь и уклоняясь от тяжелой работы. Однажды вечером, сидя в одиночестве в квартирке, которую я снимал за \$110 в месяц, я понял, что ниже падать уже некуда, я достиг эмоционального дна. Я расчехлил свою древнюю пишущую машинку Smith-Corona, содрогаясь от страха перед делом, которое представлялось мне самым бессмысленным, бесплодным и, само собой, самым мучительным занятием на свете. Два часа подряд я заставлял себя мучить бумагу, а затем выбросил все написанное в мусорное ведро. Этого оказалось достаточно. Я отставил машинку в сторону. Я вернулся на кухню. В раковине уже десять дней лежала грязная посуда. По какой-то причине я ощущал избыток сил и решил вымыть ее. Теплая вода была приятной. Мыло и губка делали свою работу. На сушильной полке появлялось все больше чистых тарелок. К своему изумлению, я понял, что насвистываю.

До меня дошло, что я наконец вышел из кризиса.
Я был спокоен.

Теперь у меня все должно было быть нормально.

Понимаете? Я не написал ничего хорошего. Должно быть, прошли годы, прежде чем я это сделал — если вообще сделал. Это не имело значения.

Главное то, что после многих лет отлынивания я сел и сделал свою работу.

Не поймите меня неправильно. Я ничего не имею против истинного целительства. Но оно не имеет ничего общего с выполнением нашей работы и может стать великолепным упражнением в Сопротивлении. Сопротивление любит «целительство». Сопротивление знает, что чем больше психической энергии мы тратим на копание в собственной личной жизни, тем меньше горючего у нас остается для выполнения нашей работы.

СОПРОТИВЛЕНИЕ И ПОДДЕРЖКА

Вы когда-нибудь были на каком-нибудь семинаре? Эти дармоеды — настоящие преподаватели Сопротивления. **Им следовало бы присудить кандидатскую степень по Сопротивлению. Разве может быть лучший способ избежать работы, чем отправиться на семинар? Но еще сильнее я ненавижу словесную поддержку и советы.**



Когда друзья и семья начинают вас «поддерживать», это похоже на сборище у вашего смертного одра. Это трогательно, но если поезд ушел, они смогут лишь помахать ему вслед.

Любая поддержка, которую мы получаем от людей, — сплошное надувательство. **Чем больше энергии мы тратим на то, чтобы получать поддержку от коллег и любимых людей, тем слабее мы становимся.**



Моя подруга Кэрол в то время, когда ей казалось, что ее жизнь выходит из-под контроля, увидела такой сон.

Она — пассажирка в автобусе. За рулем — Брюс Спрингстин. Внезапно Спрингстин съезжает на обочину, передает Кэрол ключи и исчезает. Во сне Кэрол пришла в ужас. Как она сможет управлять этим огромным «Грейхаундом»? Теперь на нее пристально

смотрели все пассажиры. Очевидно, никто больше не собирался сделать шаг вперед и принять на себя ответственность. Кэрол села за руль. К своему изумлению, она обнаружила, что умеет с ним обращаться.

Позже, анализируя сон, она решила, что Брюс Спрингстин был «боссом». Боссом ее психики. А автобус вез ее жизнь. Босс говорил Кэрол о том, что пришло время сесть за руль. Более того, сон вселял в нее уверенность в том, что она действительно может распоряжаться своей жизнью

Сон наподобие этого — реальная поддержка. Это чек, который вы можете превратить в наличные, когда вы в одиночестве садитесь за свою работу.

P. S. Когда подсознание посылает вам подобный сон, не рассказывайте о нем. Не уменьшайте его силу. Сон предназначен для вас. Он находится между вами и вашей Музой. Заткнитесь и используйте его.

Единственное исключение — вы можете поделиться им с коллегой, если это побудит его более активно заниматься своим делом.

СОПРОТИВЛЕНИЕ И РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ

Разумное объяснение происходящего, рационализация, — правая рука Сопротивления. Его задача — не дать нам испытывать стыд, который мы бы испытывали, если бы осознали, насколько трусливо себя ведем, не делая нашу работу.

Майкл: Не умаляйте достоинств разумного объяснения. Что бы мы смогли без него? Я не знаю никого, кто мог бы прожить день без двух-трех первоклассных разумных объяснений. Они важнее секса.

Сэм: Да ну тебя! Нет ничего важнее секса.

Майкл: Ой ли? Вам случалось прожить неделю без разумного объяснения?

Джефф Голдблюм и Том Беренджер в фильме
Лоуренса Кэздана «Большое несчастье»

Но у рационализации есть своя собственная «правая рука». Это та часть нашей души, которая действительно верит тому, что рассказывает нам разумное объяснение.

Одно дело — лгать самому себе. И другое дело — верить этому.

Соппротивление — это страх. Но Соппротивление слишком хитро для того, чтобы показать себя в этой форме. Почему? Потому что, если Соппротивление дает нам ясно увидеть, что наш собственный страх мешает нам делать нашу работу, мы можем устыдиться этого. А стыд может заставить нас действовать наперекор страху.

Соппротивление не хочет, чтобы мы это делали. Поэтому оно приводит нас к рационализации. Рационализация — пиарщик Соппротивления. С его помощью Соппротивление прячет Большую дубинку у себя за спиной. Вместо того чтобы показать нам наш страх (что может заставить нас устыдиться и побудить заняться нашей работой), Соппротивление представляет нам набор благовидных разумных обоснований для того, чтобы не делать нашу работу.

Разумные объяснения, которые предлагает нам Соппротивление, особенно коварны потому, что многие из них истинны. Они обоснованны. Жена действительно может быть на восьмом месяце беременности; возможно, ей действительно нужно, чтобы вы находились дома. Наш отдел действительно реорганизуется, что отнимает у нас кучу времени. Может, действительно есть смысл отложить напи-

сание диссертации — по крайней мере до рождения ребенка.

Соппротивление упускает из виду то, что все эти обоснования в конечном итоге не стоят и ломаного



гроша. У Толстого было 13 детей, но это не помешало ему написать «Войну и мир». Лэнс Армстронг болел раком и семь раз подряд побеждал на велогонке

Tour de France — и так далее.

Если бы Соппротивление нельзя было преодолеть, не было бы Пятой симфонии, «Ромео и Джульетты», моста «Золотые Ворота». Победа над Соппротивлением подобна родам. Это кажется совершенно невозможным, пока вы не вспоминаете, что женщины успешно справляются с этим делом, с поддержкой и без нее, уже многие тысячи лет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БОРЬБА С СОПРОТИВЛЕНИЕМ

Становимся профессионалами

Одно дело — изучать войну,
и другое дело — жить жизнью воина.

*Теламон Аркадийский,
военный наемник V века до н. э.*

ПРОФЕССИОНАЛЫ И ЛЮБИТЕЛИ

У честолюбивых художников, побежденных Сопротивлением, есть одна общая черта. Они все думают, как любители. Они еще не стали профессионалами.

Момент, когда художник становится профессионалом, сродни рождению первенца. В одно мгновение изменяется все. Так, всю мою жизнь можно разделить на две части: до превращения в профессионала и после.

Чтобы было ясно: когда я говорю «профессионал», я не имею в виду врачей и юристов, то есть специалистов. Я имею в виду Профессионала как идею. Профессионала в противоположность любителю. Посмотрите на различия.

Любитель играет шутки ради. Профессионал играет наверняка.

Для любителя игра — развлечение. Для профессионала — его призвание.

Любитель играет неполный рабочий день, профессионал — полный.

Любитель — боец выходного дня. Профессионал сражается семь дней в неделю.

Слово *amateur* (любитель) происходит от латинского корня со значением «любить». Обычное истолкование — любитель следует своему призванию

из-за любви, а профессионал делает это за деньги. Я вижу это не так. По моим представлениям, любитель любит игру недостаточно. Иначе он не занимался бы ею как чем-то второстепенным, отличным от его «настоящего» призвания.



Профессионал любит свое дело настолько, что посвящает ему жизнь целиком.

Вот, что я имею в виду, когда говорю «стать профессионалом».

Для Сопrotивления невыносимо, когда мы становимся профессионалами.

ПРОФЕССИОНАЛ КАК ОН ЕСТЬ

Однажды кто-то спросил Сомерсета Моэма, как он пишет — по графику или по вдохновению. «Я пишу только тогда, когда приходит вдохновение, — ответил он. — По счастью, оно приходит каждое утро, ровно в девять часов». Вот это — профессионал.



Если перевести это в близкие нам понятия, Моэм сказал: «Я презираю Сопротивление, я не позволю ему беспокоить меня, я просто буду делать свою работу».

Моэм напомнил мне о другой, более глубокой истине: выполняя повседневное рутинное действие — усаживаясь за стол и начиная работать, — он приводит в движение загадочную, но безошибочную последовательность событий, которые и вызывают вдохновение.

Он знал, что если он выстроит эту последовательность, Муза не заставит себя долго ждать.

НА ЧТО ПОХОЖ ДЕНЬ ПИСАТЕЛЯ

Я просыпаюсь с гложущим чувством неудовлетворенности. Я уже чувствую страх. Мои родные и близкие начинают блекнуть в моих глазах. Я взаимодействую. Я присутствую. Но меня нет.

Я не думаю о работе. Я уже поручил это Музе. То, что я чувствую, — и есть Соппротивление. Я ощущаю его нутром. Я отношусь к нему с глубочайшим уважением, потому что знаю: оно может победить меня в любой день так же легко, как потребность в выпивке может одолеть алкоголика.

Я делаю обычные дела, просматриваю корреспонденцию, исполняю все свои обязанности. Я снова на месте, но не по-настоящему. В голове у меня заведен будильник; я знаю, что могу ненадолго погрузиться в повседневную хрень, но я должен отсечь ее, когда зазвонит будильник.

Я четко усвоил принцип приоритета, который утверждает: а) ты должен понимать разницу между срочным и важным; и б) сначала ты должен делать то, что важно.

То, что важно, — это работа. Это игра, к которой я должен приспособиться. Это поле, на котором я должен оставить все, что у меня есть.

Действительно ли я верю в то, что моя работа настолько важна для выживания планеты? Конечно,

нет. Но для меня она важна настолько, насколько для ястреба, кружащего за моим окном, важно поймать мышь. Он голоден. Он на охоте. Как и я.

Я уже покончил со своей текучкой. Пора. Я читаю молитву и отправляюсь на охоту.

Солнце еще не взошло, холодно, поля влажные. Ежевика царапает мне щиколотки, ветки хлещут по лицу. Подняться на этот холм — нелегкий труд, но что поделаешь? Продолжаем подъем.

Проходит час. Теперь мне уже теплее, ходьба разогнала мою кровь. Годы учат меня одному: как быть несчастным. Я знаю, как заткнуться и продолжать страдания. Это большая ценность, потому что это самая подходящая роль для смертного. Это не оскорбляет богов, но обеспечивает их заступничество. Теперь мое вечно ноющее «я» отступает. Инстинкты берут верх. Проходит еще один час. Я огибаю рощи — и вот он, великолепный жирный заяц.

Спустившись с холма, я благодарю бессмертных и прикидываю, какую долю добычи они заслужили. Они дали ее мне обрести; они заслуживают своей доли. Я благодарен.

Сидя у костра, я шучу со своими детьми. Они счастливы, старик принес домой еду. Жена счастлива, она начинает стряпать. Я счастлив, я заслужил право жить на этой на планете, по крайней мере сегодня.

Сейчас Соппротивление уже не влияет на меня. Я не думаю об охоте, я не думаю об офисе. Напря-

жение отпускает мою шею и спину. То, что я чувствую, говорю и делаю сегодня вечером, не исходит из какой-нибудь части моего «я», пораженной Сопротивлением.

Я ложусь спать довольным, но последняя моя мысль — о Сопротивлении. Я проснусь с ней завтра. Я уже ожесточаюсь.

КАК БЫТЬ НЕСЧАСТНЫМ

В юности, бегая от армии, я каким-то образом оказался в морской пехоте. Существует миф, будто морская пехота превращает изнеженных новобранцев в кровавых убийц. Поверьте мне, морская пехота не настолько эффективна. Но кое-чему там можно научиться.

Морская пехота учит вас быть несчастными. А для художника это бесценно.

Морские пехотинцы любят пострадать. Морские пехотинцы получают извращенное удовольствие от того, что у них более противная еда, более дрянная амуниция и более высокий процент потерь, чем у других пехотинцев, моряков и летчиков — всех тех, кого они презирают. Почему? Да потому, что эти слабаки не умеют быть несчастными.

Художник, посвящающий себя своему призванию, записался добровольцем в ад, знает он об этом или нет. Все время этой сверхсрочной службы он будет сидеть на диете из одиночества, неприятия, неуверенности в себе, отчаяния, насмешек, неуважения и унижения.

Художник должен быть похож на такого морского пехотинца. Он должен знать, как стать несчастным. Ему должно нравиться быть несчастным. Он должен гордиться тем, что он более несчастен, чем любой солдат, моряк или летчик. Потому что это война, малыш. А война — это ад.

Все мы — профессионалы в одной области: в нашей работе.

Мы получаем зарплату. Мы работаем за деньги. Мы профессионалы.

Итак, есть ли принципы, которые мы применяем в нашей повседневной жизни, которые характеризуют нас как профессионалов? Какие именно качества определяют нас как профессионалов?

1. Мы появляемся на работе ежедневно. Возможно, только затем, чтобы нас не уволили. Но, так или иначе, мы делаем это. Мы приходим каждый день.
2. Мы приходим, несмотря ни на что. В болезни и в здравии, вопреки всему, мы ковыляем на завод. Мы могли бы делать это только для того, чтобы не подвести наших сослуживцев, или по другим, менее благородным причинам. Но мы это делаем. Мы появляемся, несмотря ни на что.
3. Мы остаемся на работе целый день. Наши мысли могут блуждать далеко, но наши тела остаются у штурвала. Мы берем трубку, когда звонит телефон, мы помогаем клиенту, когда ему требуется наша помощь. Мы уходим домой по гудку.

4. Мы повязаны обязательствами по рукам и ногам. Мы можем уйти на другую работу, в другую компанию, уехать в другую страну. Но мы по-прежнему будем работать. Пока мы не выиграем в лотерею, мы остаемся частью рабочей силы.
5. Ставки на нас как на профессионалов — высокие и реальные. Речь идет о выживании нашем и наших семей, обучении наших детей. Речь идет о первичных потребностях.
6. Мы принимаем вознаграждение за наш труд. Мы здесь не шутки ради. Мы работаем за деньги.
7. Мы не слишком отождествляем себя с нашей работой. Мы можем гордиться нашей работой, оставаться на ней допоздна и работать на выходных, но мы признаем, что мы и наши служебные функции не одно и то же. А вот любитель чрезмерно отождествляет себя со своим призванием, своими устремлениями. Он определяет себя своим занятием. Он — музыкант, художник, драматург. Силам Сопротивления это нравится. Сопротивление знает, что композитор-любитель никогда не напишет свою симфонию, потому что он слишком заинтересован в ее успехе и слишком напуган возможностью провала. Любитель относится к своему занятию настолько серьезно, что это парализует его.

8. Мы постоянно изучаем технологию нашей работы.
9. Мы относимся к нашей работе с юмором.
10. Нас хвалят за нашу работу, но иногда и порицают, когда мы допускаем оплошности.

А теперь рассмотрим любителя — тщеславного художника, драматурга-плагиатора и т. д. Как он следует своему призванию?

Во-первых, он не ходит на работу каждый день. Во-вторых, он может не прийти даже тогда, когда это остро необходимо. В-третьих, он не остается на работе на целый день. Он не связан обязательствами, ставки на него как на профессионала — это иллюзия и самообман.

Он не зарабатывает денег. И он чрезмерно отождествляет себя со своим занятием. Он относится к неудачам с трагизмом. Вы никогда не услышите, как он жалуется: «Эта долбаный роман высосал из меня все соки!» Он его просто не пишет.

Любитель не овладел техникой своего дела. И не позволяет объективно оценивать себя. Если мы показываем свое стихотворение другу, а друг говорит: «Просто замечательно, мне нравится», — это не искренняя ответная реакция, а любезность нашего друга. Ничто так не придает сил, как реальная и честная оценка, даже негативная.

Первая профессиональная сценарная работа, которую я получил после 17 лет попыток, была свя-

зана с фильмом под названием «Кинг-Конг жив!». Мы с моим тогдашним партнером Роном Шусеттом (блестящим сценаристом и продюсером, сделавшим среди прочего фильмы «Чужой» и «Вспомнить все») придумывали сценарий для Дино Де Лаурентиса. Нам это нравилось, мы были уверены, что это будет хит. Даже после того, как мы посмотрели готовый фильм, мы были уверены, что это шедевр. Мы пригласили всех своих знакомых на премьеру и даже арендовали соседнее здание для последующего торжества. «Приходите пораньше, — предупреждали мы друзей, — а то не хватит мест».

Никто не пришел. Кроме наших знакомых, пришел один парень, который что-то бормотал про обмен билетов. В зале наши друзья терпеливо просидели весь сеанс в немом остолбенении. А когда в зале зажегся свет, они выбежали в ночь, словно тараканы.

На следующий день появился обзор в журнале *Variety*: «...Рональд Шусетт и Стивен Прессфилд; мы надеемся, что это не настоящие их имена, и их родителям не придется умереть от позора». Когда поступила выручка после первой недели проката, ее даже не пришлось регистрировать. И все же надежда меня не покидала. Может быть, фильм проваливается только в городских кинотеатрах, может быть, в пригородах дело пойдет лучше? Я поехал на автомобиле в многозальный кинотеатр Edge City. У киоска с попкорном стоял подросток. «Ну и как “Кинг-

Конг жив!?”?» — спросил я. Он скорчил гримасу: «Забей, мужик. Полный отстой».

Я был раздавлен. Я, сорокадвухлетний, разведенный, бездетный, отказался от всех обычных человеческих радостей в погоне за мечтой стать писателем. Наконец-то мое имя появилось в титрах крутого голливудского фильма, в котором играет сама Линда Гамильтон. И что происходит? Я — лузер, пустышка; моя жизнь ничего не стоит, как и я сам.

Мой друг Тони Кеппельман освободил меня от этого чувства, спросив, не собираюсь ли я бросить это дело. Нет, черт побери! «Тогда будь счастлив. Ты — там, где ты хотел быть, правда? Иногда ты получаешь удары. Это плата за то, чтобы находиться на арене, а не на скамейке запасных. Перестань жаловаться и будь благодарен».



Именно тогда я понял, что стал профессионалом. Я еще не добился успеха. Но у меня уже был настоящий провал.

Давайте проясним вопрос о профессионализме: профессионал, хотя и получает деньги, делает свою работу с любовью. Он должен любить ее. Иначе он не смог бы посвятить ей жизнь.

Однако **профессионал знает, что слишком сильная любовь вредна. Слишком сильная любовь душит. Кажущиеся отрешенность и хладнокровие профессионала — это инструменты, не позволяющие ему полюбить работу настолько, чтобы полностью вратиться в нее.** Восприятие призвания как игры, причем игры на деньги, снижает страх проигрыша.



Вспомните, что мы говорили о страхе, любви и Сопротивлении. Чем сильнее вы любите ваше дело, чем вам важнее преуспеть в нем, тем больше вы будете его бояться и тем более сильное Сопротивление ощутите. Выигрыш в игре на деньги — вовсе не деньги (которых вы можете не увидеть вовсе, даже после того, как станете профессионалом). Выигрыш в том, что такая игра создает правильное профессиональное отношение к работе. Она развивает твердость, бескомпромиссность, упрямство, благодаря которым вы идете на работу, несмотря на дождь, снег или ночную тьму.

Писатель — это солдат. Он знает, что каждый шаг вперед стоит тонны пота и грязи. Он носит солдатские сапоги. Помните, что Муза любит трудяг. Она ненавидит примадонн. Для богов главный грех — не убийство, а гордыня. Думайте о себе как о простом наемнике. Это позволяет справиться с гордыней.

Сопrotивление любит гордыню и завышенную самооценку. Сопrotивление говорит: «Покажите мне писателя, который слишком хорош для того, чтобы выполнять работу X или Y, — и я покажу вам парня, которого я могу расколоть, как орех».

Формально профессионал берет деньги за свою работу. Но в конечном итоге он делает ее из любви.

Так какой же он, истинный Профессионал?

ПРОФЕССИОНАЛ ДОЛЖЕН БЫТЬ ТЕРПЕЛИВЫМ

С опротивление обманывает любителя с помощью старинного трюка: оно использует против него его собственный энтузиазм. Сопротивление дает нам с головой окунуться в амбициозный проект с нереальным сроком исполнения. Оно знает, что мы не можем выдержать столь напряженный график. Мы дойдем до предела своих возможностей. Мы потерпим крах.

Но профессионал умеет работать на долгосрочную перспективу. Он муравей, а не кузнечик, черепаха, а не заяц. Вы слышали легенду о том, как Сильвестр Сталлоне создал сценарий «Рокки» за три дня? Не знаю, может быть, это и правда. Но для начинающего писателя это один из самых вредных мифов, потому что он заставляет поверить, что можно добиться больших успехов без боли и настойчивости.

Профессионал вооружается терпением не только для того, чтобы дать звездам время вмешаться в его карьеру, но и чтобы не сгореть в процессе работы. Он знает, что любое дело, будь то написание романа или ремонт на кухне, требует вдвое больше времени, чем кажется поначалу, и обходится вдвое дороже. Он принимает это. Он признает это реальностью.

Профессионал ожесточается в начале проекта, напоминая себе о том, что его ждут гонки на собачьих упряжках, а не какая-то там стометровка. Он бережет свою энергию. Он готовит себя к тяжелому испытанию. Его поддерживает знание того, что если он всего-навсего сможет управлять ездовыми лайками, упряжка рано или поздно привезет его в Ном¹.

¹ Город на Аляске, где проводятся гонки на собачьих упряжках.

ПРОФЕССИОНАЛ ЛЮБИТ ПОРЯДОК

Когда я жил в своем фургоне «Шевроле», мне приходилось вытаскивать пишущую машинку из-под груд шиномонтажного инструмента, грязного белья и истлевших книг в мягкой обложке. Мой грузовик был гнездом, ульем, бомжатником на колесах, где место для сна мне приходилось расчищать каждую ночь, просто чтобы сделать нору, в которой я мог вздремнуть.

Профессионал не может так жить. Он на задании. Он не потерпит беспорядка. Он изгоняет хаос из своего мира, чтобы изгнать его из своего сознания. Он хочет, чтобы ковер был вычищен, а порог — подметен, для того, чтобы Муза могла войти, не испачкав платья.

Профессионал рассматривает свою работу как ремесло, а не как искусство. Не потому,



что верит в то, что искусство лишено мистического компонента. Наоборот.

Он понимает, что любая творческая деятельность священна, но не хочет за-

цикливаться на этом. Он знает: если он будет думать об этом слишком долго, это его парализует. Поэтому он концентрируется на технике. Профессионал оттачивает «как», а «что» и «почему» оставляет высшим силам. Подобно Сомерсету Моэму, он не ждет вдохновения, а действует в предвкушении его появления. Профессионал остро чувствует, что основа вдохновения нематериальна и управляется высшими силами. Он позволяет им делать свою работу. А сам тем временем делает свою.



Признак любителя — чрезмерное увлечение таинственностью природы творчества.

Профессионал же предпочитает помалкивать об этом. Он делает свою работу.

ПРОФЕССИОНАЛ ДЕЛАЕТ СВОЕ ДЕЛО, НЕСМОТРЯ НА СТРАХ

Любитель уверен, что он должен сначала преодолеть свой страх, а уж потом — заняться своей работой. Профессионал знает, что страх победить невозможно. Он знает, что не существует бесстрашного воина или не испытывающего ужаса художника.

Запершись в уборной, Генри Фонда приводит себя в порядок и выходит на сцену. Он все еще в ужасе, но заставляет себя двигаться. Он знает, что, когда он приступит к делу, его страх исчезнет, и все будет в порядке.

ПРОФЕССИОНАЛ БЕСПОЩАДЕН К СЕБЕ

Любитель, недооценивающий коварство Сопrotивления, позволяет простуде помешать ему писать книгу; он уверен, что хитренький голос у него в голове, приказывающий бросить писать и лечиться, более важен, чем выполнение повседневной работы.

Профессионал кое-чему научился. Он уважает Сопrotивление. Он знает, что если он уступит сегодня, каким бы благовидным ни был повод, завтра он уступит дважды.

Профессионал знает, что Сопrotивление похоже на специалиста по телефонному маркетингу; стоит вам взять трубку — с вами покончено. Профессионал даже не реагирует на телефон. Он продолжает работать.

ПРОФЕССИОНАЛ ПРИНИМАЕТ МИР ТАКИМ, КАКОВ ОН ЕСТЬ

Мы с моим другом Хоуком играли в гольф в Прествике (Шотландия). Ветер дул слева. Я начал с 30 ярдов против ветра, но сильный ветер помешал мне; я увидел, как мяч опустился справа и оказался среди капусты. «Сукин сын! — повернулся я к мальчику, подносящему мячи. — Ты видел, как подул ветер?»

Он одарил меня фирменным взглядом шотландских кедди. «Что, с ветром не играете?»

Профессионал ведет свой бизнес в реальном мире. Несчастье, несправедливость, дурные вести и неприятные звонки, даже перемены к лучшему и счастливые сообщения — все это составляет поле битвы. Профессионал понимает: кочек и буераков не бывает только на небе.

ПРОФЕССИОНАЛ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАН

Я не говорю о навыках в ремесле; это само собой разумеется. Высокая квалификация профессионала лежит на более глубоком уровне. Каждый день он готов к борьбе с самим собой.

Профессионал понимает, что Соппротивление плодovито и изобретательно. Оно может ударить неожиданно.

Профессионал мысленно готовится получать удары и раздавать их. Его цель — взять то, что дает ему сегодняшний день. Он готов быть осторожным и безрассудным, стерпеть побои, а если придется, то и взять вас за горло. Его цель — не победить (успех придет сам), но справиться с собой, со своими мыслями.

ПРОФЕССИОНАЛ И ВЛАСТЬ СТИЛЯ

У профессионала есть его собственный стиль. Но он не позволяет стилю завладеть собой. Стиль служит инструментом. Он не использует стиль как средство привлечь к себе внимание.

Это не значит, что профессионал время от времени не подает мяч особенно сложным и хитрым способом — просто чтобы парни знали, что он еще в игре.



Профессионал уважает свое ремесло. Он не считает себя выше его. Он признает вклад тех, кто работал до него. Он учится у них.

Профессионал посвящает себя овладению техникой не потому, что он уверен: техника — заменитель вдохновения; а потому, что хочет обладать всем арсеналом навыков в момент, когда придет вдохновение. Профессионал хитер. Он знает, что, упорно трудясь возле парадной двери технологий и техник, он оставляет вдохновению возможность войти с черного хода.

ПРОФЕССИОНАЛ НЕ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ПОМОЩИ

Тайгер Вудс — величайший гольфист в мире. И все же у него есть тренер: он работает с Бутчем Хармоном. Тайгер не противится этому обучению и не страдает из-за него — он раскрывается в нем. Для него самая большая профессиональная радость — отрабатывать удары вместе с Бутчем, узнавать больше об игре, которую он любит.

Тайгер Вудс — высококвалифицированный профессионал. В отличие от любителя он не считает, что сможет узнать или понять все самостоятельно. Напротив, он разыскивает самого компетентного наставника и слушает его в оба уха. Он знает, что в гольфе, как и в любом другом деле, достичь абсолютного совершенства невозможно.

ПРОФЕССИОНАЛ ДИСТАНЦИРУЕТСЯ ОТ ИНСТРУМЕНТА СВОЕЙ РАБОТЫ

Профессионал отделяет себя от своего инструмента — то есть своей личности, своего тела, своего голоса, своего таланта; физической, ментальной, эмоциональной и психологической сущности, которые он использует в своей работе. Он не отождествляет себя с этим инструментом. Это просто то, что дал ему Бог, то, с чем он должен работать. Он оценивает это безэмоционально, безлично, объективно.

Профессионал отождествляет себя со своими сознанием и волей, а не с материалом, который его сознание и воля используют для служения искусству. Разве Мадонна разгуливает по дому в откровенных и провокационных нарядах? Мадонна не отождествляет себя с «Мадонной». Мадонна использует «Мадонну».

ПРОФЕССИОНАЛ НЕ ПРИНИМАЕТ УСПЕХ ИЛИ ПОРАЖЕНИЕ БЛИЗКО К СЕРДЦУ

Когда художника называют толстокожим, имеется в виду не то, что этот человек толст или глуп, а то, что он разделяет личное и профессиональное. Для этого нужен очень сильный характер, потому что наши глубочайшие инстинкты противоречат этому. Эволюция запрограммировала остро реагировать на неприятие. Именно так племя добивалось послушания от своих членов — применяя угрозу изгнания. Страх неприятия не психологический, а биологический. Он живет в наших клетках.

Сопrotивление знает это и использует против нас. Оно задействует страх неприятия, чтобы не позволить нам если не делать нашу работу, то хотя бы представлять ее на публичную оценку. У меня был близкий друг, который несколько лет работал над превосходным романом. Он уже положил этот роман в почтовый конверт, но никак не мог заставить себя отправить его. Страх неприятия лишил его мужества.

Профессионал не принимает негативную оценку близко к сердцу, потому что это усиливает Сопrotивление. Редакторы — не враги; критики — не враги. Враг — это Сопrotивление. Бой идет у нас



в головах. Мы не можем позволить критике, пусть даже справедливой, поддержать нашего внутреннего врага. Этот враг и так уже довольно силен.

Профессионал приучается держаться в стороне от своей деятельности, даже если отдается ей всем сердцем и душой. «Бхагавад-Гита» рассказывает нам, что у нас есть право только на труд, а не на плоды труда. Все, что может дать воин, — это его жизнь; все, что может сделать спортсмен, — напрячь все силы и выложиться по полной.

Профессионал любит свою работу. Он отдается ей всем сердцем. Но он не забывает о том, что эта работа — по большому счету не его. Его профессиональное «я» больше, чем конкретный проект или задача, — оно вмещает в себя множество проектов и результатов. Следующий проект уже стучится к нему в душу, и, возможно, он будет лучше предыдущего.

Профессионал самоутверждается. Он расчетлив. Столкнувшись с безразличием или лестью, он оценивает свое произведение трезво и объективно. А если произведению чего-то недостает, он дорабатывает его. Если с произведением все благополучно, он делает его еще лучше. Он будет упорно трудиться. Он вернется завтра.

Профессионал прислушивается к критике, стремится учиться и расти. Но он не забывает, что Соппротивление использует критику против него чрезвычайно изощренно. Соппротивление вербует критику

в «пятую колонну» страха, которая уже работает в голове художника, стремясь разрушить его волю и лишить его самоотверженности. Профессионал не поддается на эту уловку. Его решение остается таким же, как и прежде: несмотря ни на что, он никогда не позволит Сопротивлению поразить его.

ПРОФЕССИОНАЛ СТОЙКО ПЕРЕНОСИТ ИСПЫТАНИЯ

Я провел в Голливуде пять лет, написал девять киносценариев, ни один из которых не продал. Наконец я познакомился с крупным продюсером. Он отвечал на телефонные звонки, пока я вносил правки в сценарий. У него была эта штуковина с наушниками, и ему даже не надо было поднимать трубку, когда кто-нибудь звонил. Наконец поступил личный звонок. «Ты не против? — спросил он, указывая на дверь. — Это личный звонок». Я вышел. Дверь за мной закрылась. Прошло десять минут. Меня разбудили секретарши. Прошло 20 минут. Наконец дверь продюсера распахнулась; он вышел, натягивая на себя куртку.

«Ох, прошу прощения!»

Он совсем забыл обо мне.

Я человек, и поведение продюсера меня оскорбило. Мне было уже за сорок, а список моих неудач был длиной с вашу руку.

Профессионал не может позволить себе принять оскорбление лично. Оскорбление, подобно неприятию и критике, — это внешнее проявление внутреннего Сопротивления.

Профессионал стойко переносит несчастья. Он позволяет птичьему дерьму упасть ему на плечо,

помня о том, что пиджак можно будет выстирать. Он сам, его креативный центр не могут быть погребены даже под тонной помета. У него пуленепробиваемый внутренний стержень. Ничто не может затронуть его без его согласия.

Как-то я видел толстого веселого парня, который ехал в своем «Кадиллаке» по автомагистрали. В машине был включен кондиционер, в проигрывателе стоял диск с группой Pointer Sisters, а парень курил тонкую дешевую сигару. На номерном знаке было написано: «Конфисковано департаментом полиции».

Профессионала интересует бублик, а не дырка в нем. Он напоминает себе, что лучше находиться на арене, где тебя топчет бык, чем на трибуне.

Любитель позволяет негативному мнению других выбивать почву из-под его ног. Он принимает внешнюю критику близко к сердцу, позволяет ей подтачивать его веру в себя и в свое дело. Сопровитвлению это нравится.

Выдержите еще одну историю про Тайгера Вудса? В последний день чемпионата по гольфу Masters 2001 (в котором Тайгер тоже победил, одержав четыре победы), какой-то оболтус, сидевший на галерке, ослепил его вспышкой фотоаппарата в тот самый момент, когда Тайгер уже отвел руку с клюшкой для удара. Как это ни невероятно, но Тайгер буквально в самое последнее мгновение смог остановить клюшку. Но самое удивительное не это. Бросив недовольный взгляд на нарушителя, Тайгер отступил и послал мяч точно в лунку.

Вот это — профессионал. Это мощнейший самоконтроль на уровне, который большинству никогда не превзойти. Но давайте внимательнее посмотрим на то, что делал Тайгер, — или, вернее, чего он не делал.

Во-первых, он не реагировал рефлексивно. Он не позволил действию, которое должно было спровоцировать автоматическую вспышку ярости,

действительно вызвать эту ярость Он контролировал свою реакцию. Он управлял своими эмоциями.

Во-вторых, он не воспринял ситуацию лично. Он мог бы воспринять поступок этого «папарацци» как умышленное действие, направленное против него лично, с намерением помешать ему сделать удар. Он мог бы отреагировать с яростью или негодованием либо мог почувствовать себя жертвой. Но он этого не сделал.

В-третьих, он не воспринял это как проклятие небес. Он мог бы воспринять это как месть богов. Он мог бы тяжело вздохнуть, сердиться или смириться с этой несправедливостью и использовать ее как оправдание для промаха. Но он этого не сделал.

Он сохранил власть над моментом. Он понимал, что, какой бы удар ни обрушила на него судьба, он все равно должен делать свою работу, ударить прямо сейчас и прямо здесь. И он знал, что совершить этот удар — по-прежнему в его силах. Ничто не препятствовало ему, какое бы эмоциональное потрясение он не ощущал. Кульгида, мать Тайгера, — буддистка. Возможно, у нее он и научился сохранять спокойствие и не впадать в ярость из-за чрезмерно ретивых горе-фотографов. В любом случае Тайгер Вудс, профессионал, быстро дал выход своей злости — одним взглядом, а затем успокоился и вернулся к решению текущей задачи.

Профессионал не может позволить действиям других людей определять свою жизнь. Иначе критики замолчат, но писатель все еще будет сидеть перед



чистым листом бумаги. **Ничто не имеет значения, кроме продолжения работы. В отсутствие семейного кризиса или третьей мировой войны профессионал должен быть готов служить своему делу.**

Помните: Соппротивление хочет, чтобы мы отдали свой суверенитет другим. Оно хочет, чтобы мы поставили на кон нашу самооценку, нашу самость, наш смысл жизни, в обмен на позитивную оценку других людей. Соппротивление знает, что мы не сможем это принять. Никто не сможет.

Профессионал игнорирует критиков. Он даже не слышит их. Он напоминает себе, что критики — это невольные рупоры Соппротивления и в этой роли они могут быть действительно коварными и опасными. Они могут озвучивать в своих рецензиях ту самую ядовитую злобу, которую само Соппротивление вливает нам в головы. В этом их настоящее зло. Не в том, что мы им верим, — но в том, что мы верим Соппротивлению в наших умах, бессознательными представителями которого выступают критики.

Профессионал учится распознавать движимую завистью критику и принимать ее за то, чем она является: за высший комплимент. Критик больше всего ненавидит то, что сделал бы сам, имей он мужество и талант.

ПРОФЕССИОНАЛ ВСЕГДА СПЕЦИАЛИЗИРУЕТСЯ НА ЧЕМ-ТО ОДНОМ

Профессионал становится агентом, юристом, бухгалтером. Он знает, что может быть профессионалом только в одном деле. Он окружает себя другими профессионалами и относится к ним с уважением.

ПРОФЕССИОНАЛ НЕ СТОИТ НА МЕСТЕ

Голди Хоун однажды заметила, что у актрисы в Голливуде могут быть только три возраста: милашка, милашка и героиня из «Шофера мисс Дэйзи»¹. В контексте рассматриваемой темы это означает, что в течение нашей жизни Муза ставит перед нами насколько разноплановых задач.

Профессионал не позволяет себе до конца реализоваться в одном амплуа, пусть даже очень успешно. Подобно переселяющейся душе, он сбрасывает старую кожу и надевает новую. Он продолжает путешествие.

¹ Американский кинофильм о непростых взаимоотношениях богатой пожилой американки и ее водителя-афроамериканца.

ПРОФЕССИОНАЛ СРАЗУ ВИДИТ ПРОФЕССИОНАЛА

Профессионал чувствует, кто отслужил свой срок, а кто еще на коне. Подобно Алану Лэдду и Джеку Палансу, борющимся друг с другом в фильме «Шейн», сила признает только другую силу.

Я САМ, ИНКОРПОРЕЙТЕД

Когда я впервые приехал в Лос-Анджелес и познакомился с работой сценаристов, я узнал, что у многих из них есть свои собственные фирмы. Они предлагали свои услуги не как физические лица, а от имени своих компаний. Я думал, что это очень круто.

Присоединившийся к этому кругу писатель должен был платить определенный налог и получать определенные финансовые преимущества. Но больше всего в этом мне нравилась метафора. Мне нравилась идея «Я сам, Инкорпорейтед». Таким образом я выступаю в двух ипостасях — как босс и как сотрудник. Я могу нанять самого себя и уволить самого себя. Я даже могу надуть самого себя.

Возможность зарегистрировать себя как компанию (или просто мысль об этом) подкрепляет идею профессионализма, поскольку отделяет художника, делающего свою работу, от волевого и сознательно-го руководителя процесса. Сколько бы ругани ни обрушивалось на голову первого, второй легко со всем справляется и продолжает в том же духе. С успехом все наоборот: у вас-писателя может быть чудовищное самомнение, но вы-босс знаете, как поставить себя на место.

Вы когда-нибудь работали в офисе? Тогда вы знаете о планерках в понедельник утром. Группа

собирается в конференц-зале, а босс рассказывает, за выполнение каких именно задач отвечает каждый член команды на текущей неделе. Когда собрание заканчивается, помощник составляет план работ. И когда час спустя он оказывается у вас на столе, вы уже точно знаете, что вы должны делать в ближайшие пять дней.

Я провожу такое собрание с самим собой каждый понедельник. Я сажусь и обдумываю свои задания. Затем я распечатаваю их и раздаю самому себе.

У меня есть корпоративные канцелярские товары, корпоративные визитные карточки и корпоративная чековая книжка. Я списываю корпоративные расходы и плачу корпоративные налоги. У меня разные виды кредитных карточек для себя самого и для моей корпорации.

Если мы думаем о себе как о корпорации, это дистанцирует нас от нас самих. Мы менее субъективны. Мы не принимаем удары близко к сердцу. Мы более хладнокровны; мы оцениваем наш труд более объективно. Иногда, как и подобает «простому человеку», я слишком робок для того, чтобы что-нибудь продавать. Но как «Простой человек, Инкорпорейтед» я могу использовать себя в корыстных целях. Теперь я уже не я, а компания «Я сам, Инкорпорейтед».

Я — профессионал.

ПРОФЕССИОНАЛ НИКОГДА НЕ СДАЕТСЯ

Почему Соппротивление позволяет нам становиться профессионалами? Потому что Соппротивление — уличный хулиган. У Соппротивления нет своей собственной силы; свою силу оно целиком черпает из нашего страха перед ним. Хулиган отступает перед тощим упрямым, который твердо стоит на своем.

Суть профессионализма — в сосредоточении на работе и требованиях, возникающих в ее процессе, а все прочее исключается. Древние спартанцы учились воспринимать врага — любого врага — как безымянного и безликого. Иными словами, они были уверены, что если они делают свою работу, никакая сила не устоит против них. В фильме «Искатели» Джон Уэйн и Джеффри Хантер преследуют военачальника Скара, который похитил их юную родственницу (в исполнении Натали Вуд). Зима останавливает их, но персонаж Уэйна — Этан Эдвардс — не отступает от своего решения. Он заявляет, что возобновит погоню весной, а рано или поздно бдительность противника ослабнет.

Этан: Похоже, он никогда не узнает, что есть такая тварь, которая может просто продолжать двигаться дальше. Но в конце концов мы их найдем, я обещаю. Это так же верно, как то, что Земля вертится.

Профессионал продолжает двигаться вперед. Он побеждает Сопротивление его же собственным оружием, действуя куда более решительно и куда более безжалостно.

НИКАКОЙ МИСТИКИ

В превращении в профессионала нет ничего загадочного. Это решение, принимаемое усилием воли. Мы решаем стать профессионалами — и делаем это. Вот и все.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЗА ПРЕДЕЛАМИ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Высшая сфера

Первая обязанность — приносить жертвы
богам и молить их даровать вам мысли,
слова и поступки, способные сделать ваше
командование наиболее угодным богам
и наделить вас, ваших друзей и ваш город
в полной мере любовью, славой и пользой.

Ксенофонт. Трактат «О коннице»

ВОСПРИНИМАЙТЕ АНГЕЛОВ КАК МЕТАФОРУ

Следующие несколько глав будут посвящены тем невидимым силам, которые поддерживают и подкрепляют нас в нашем путешествии к самим себе. Я собираюсь использовать такие понятия, как «музы» и «ангелы».

Если это вам не по душе, то я разрешаю думать об ангелах абстрактно. Считайте их силами, которые столь же реальны, как сила тяжести. Может быть, так оно и есть. Ведь так просто поверить, что в каждом зерне и семени существует сила, заставляющая их расти? Или что у каждого котенка или жеребенка есть инстинкт, побуждающий их бегать, играть и обучаться.

Подобно тому, как Сопротивление можно рассматривать как нечто личное (я уже говорил, что Сопротивление способно «любить» и «ненавидеть»), его также можно считать и силой природы, столь же безличной, как энтропия или распад молекул.

Точно так же позыв к творчеству и созиданию можно воспринимать и как персонализированный (дух или демон, ангел или муза), и как безличный, подобный приливам и отливам или рассвету и закату. И то и другое работает. А если излишняя вариативность трактовок вам не нравится, думайте

о нем как о «таланте», заложенном в наши гены эволюцией.

Самое интересное — в рамках тезиса, который я собираюсь выдвинуть, — состоит в том, что существуют силы, которые мы можем назвать нашими союзниками.

В то время как Сопротивление старается не дать нам стать теми, кем мы рождены стать, противодействующие силы сдерживают его. Это наши союзники — музы и ангелы.

ПРИБЛИЖАЯСЬ К ТАИНСТВЕННОМУ

Почему в предшествующих главах я делал такой акцент на профессионализме? Потому что самое важное в любом деле — это собственно труд. Главное — ежедневно садиться за стол и делать попытку. Почему это так важно?

Потому что, когда мы день за днем садимся за работу и доводим что-либо до совершенства, начинает происходить нечто таинственное. Начинается процесс, при котором неизбежно и безотказно небеса приходят нам на помощь. Невидимые силы становятся нашими союзниками, счастливая случайность помогает нам реализовать наш замысел.

Это секрет, который знают настоящие художники и не знают те, кто ими притворяется. Когда мы каждый день садимся за нашу работу, вокруг нас концентрируется сила. Муза ценит нашу преданность. Мы удостоились ее благосклонности. Когда мы садимся за работу, мы уподобляемся намагниченному жезлу, притягивающему железные опилки. Приходят идеи. Появляются озарения.

В то время как Сопротивление живет в аду, Созидание обретается на небесах. И оно не только наблюдатель, но и ревностный и активный союзник.

То, что я называю профессионализмом, можно назвать также назвать кодексом художника или пу-

тем война. Это позиция небезразличия и служения. Рыцари Круглого стола были целомудренными и скромными. И все же они сражались с драконами.

Мы тоже сталкиваемся с драконами. Огнедышащими грифонами в наших душах, которых мы должны победить и перехитрить, чтобы добыть сокровище из глубин нашего Я и ответить на вопрос о том, зачем мы оказались на этой планете.

ВЗЫВАНИЕ К МУЗЕ

Цитата из Ксенофонта, открывающая эту часть книги, взята из трактата, в котором прославленный воин и историк дает рекомендации молодым людям, стремящимся стать командирами. Он утверждает, что первая обязанность командира — приносить жертвы богам и взывать к ним о помощи.

Я делаю то же самое. Последнее, что я делаю перед тем, как сесть за работу, — это произнесение моей молитвы Музе. Я читаю ее вслух, совершенно серьезно. И только после этого приступаю к делу.

Когда мне было около 30, я снимал небольшой дом в Северной Калифорнии; я приехал туда, чтобы закончить роман или убить себя. К этому времени у меня разрушился брак с девушкой, которую я любил всем сердцем, я испортил две карьеры и т. д., и т. п. — и все потому (хотя в то время я этого не понимал), что не мог справиться с Соппротивлением. Первый роман я написал на девять десятых, второй — на девяносто девять сотых, а потом выбросил их в мусорную корзину. Мне не хватало мужества. Поддаваясь Соппротивлению, я становился жертвой всех вышеупомянутых пороков, отвлекающих факторов, зла, — называйте это как угодно, — которые не вели никуда, и в конце концов оказался в сонном

калифорнийском городке, с фургоном «Шевроле», котом Мо и древней «Смит-Короной».

На нашей улице жил парень по имени Пол Ринк. Если хотите получить о нем представление, прочтите книгу Генри Миллера «Биг-Сур и апельсины Иеронима Босха». Пол был писателем. Он жил в своем автофургоне под названием «Моби Дик». Каждый день я начинал с того, что пил кофе вместе с Полом. Он читал мне лекции о самодисциплине, преданности, пороках рынка. Но, самое главное, он поделился со мной молитвой — «Взыванием к Музе» из «Одиссеи» Гомера в переводе Лоуренса Аравийского. Пол напечатал ее для меня на своей машинке «Ремингтон», еще более старой, чем моя. Этот листок бумаги еще хранится у меня. Он желтый и сухой, как пыль; малейшее дуновение — и он рассыплется.

В моем домике не было телевизора. Я не читал газет и не ходил в кино. Я просто работал. Однажды днем я мучил бумагу в маленькой спальне, переделанной в кабинет, как вдруг услышал, как кто-то громким голосом декламировал: «...охранять, защищать и оберегать Конституцию Соединенных Штатов». Я вышел наружу. Что происходит? Оказалось, это радио моего соседа. «А ты не слышал? Никсон ушел, они выбрали нового парня».

Я пропустил Уотергейтский скандал.

Я был полон решимости продолжать работу. Я терпел неудачи так часто и причинял этим само-

му себе и людям, которых я люблю, столько боли, что чувствовал: если я провалюсь на этот раз — остается только повеситься. Тогда я еще не знал, что такое Сопротивление. Но я ощущал его, причем явственно. Я воспринимал его как позыв к саморазрушению. Я не мог закончить то, что начал. Чем ближе я оказывался к цели, тем больше я находил самых разных способов все испортить. Я работал 26 месяцев подряд, пока наконец не написал:

КОНЕЦ

Я так и не нашел покупателя для той книги. Впрочем, как и для следующей. Прошло десять лет, прежде чем у меня что-то получилось, и еще десять — прежде чем был опубликован мой роман «Легенда Баггера Ванса». Но момент, когда я впервые напечатал слово «конец», стал эпохальным. Я помню, как вынул из машинки последнюю страницу и положил ее на стопку листов — готовую рукопись. Никто не знал, что я сделал. Никого это не интересовало. Но я знал. Я ощущал себя так, словно дракон, с которым я сражался всю жизнь, только что упал мертвым у моих ног и испустил свой последний серый выдох.

Покойся с миром, ублюдок.

На следующее утро я зашел к Полу на чашечку кофе и сказал, что закончил книгу. «Молодец, — сказал он, не поднимая взгляда. — Начинай следующую прямо сегодня».

ВЗЫВАНИЕ К МУЗЕ II

До знакомства с Полом я никогда не слышал о музах. Он просветил меня. Музы — это были девять сестер, дочери Зевса и Мнемозины. Их звали Клио, Эрато, Талия, Терпсихора, Каллиопа, Полигимния, Мельпомена, Эвтерпа и Урания. Их работа — вдохновлять художников. Каждая Муза отвечает за определенный вид искусства. В Новом Орлеане есть район, где улицы названы в честь Муз. Я когда-то жил там и ничего не знал об этом — думал, что это просто причудливые названия.

Вот что Сократ из «Федра» Платона говорит о «благородном воздействии посланного небесами безумия»:

Третий вид одержимости и неистовства — от Муз, он охватывает нежную и непорочную душу, пробуждает ее, заставляет выражать вакхический восторг в песнопениях и других видах творчества и, украшая несчетное множество деяний предков, воспитывает потомков. Кто же без неистовства, посланного Музами, подходит к порогу творчества в уверенности, что он благодаря одному лишь искусству станет изрядным поэтом, тот еще далек от совершенства: творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых¹.

¹ Перевод А. Н. Егунова.

Древние греки персонифицировали все таинственное. Они ощущали наличие в мире мощных изначальных сил. Чтобы сделать эти силы познаваемыми, греки наделили их человеческим обликом и дали им имена — Зевс, Аполлон, Афродита. Американские индейцы ощущали наличие схожих тайн, но облекали их в анимистические формы — Медведь Учитель, Ястреб Посланец, Койот Обманщик.

Наши предки остро чувствовали силы и энергии, имевшие не материальную природу, а связанные с чем-то высшим, мистическим.

Они верили в то, что смерти не существует. Боги бессмертны.

Боги хотя и похожи на людей, но гораздо могущественнее. Противиться их воле бесполезно. Относиться к небесам свысока — значит навлекать на себя беду.

Время и пространство существуют в этом высшем измерении в измененной форме. Боги перемещаются быстро, как мысль. Некоторые из них могут предсказывать будущее. И, хотя в одной из пьес Агафона говорится «Лишь одного нет у бога: / Силы, чтобы зачеркнуть прошлое», бессмертные все же могут шутить со временем, — как, порою, и мы сами, во сне или в видениях.

Небо, как полагали древние греки, не было безразличным к делам земным. Боги интересуются людьми и поддерживают наши добрые или злые замыслы.

С современной точки зрения все это очаровательно, но нелепо. Не так ли? Тогда задайте себе такие вопросы. Откуда взялся Гамлет? Кто создал Парфенон? Откуда появилась «Обнаженная, спускающаяся по лестнице»?

ЗАВЕЩАНИЕ ПРОВИДЦА

Вечность влюблена в творения времени.

Уильям Блейк

Как я понимаю, поэт-провидец Уильям Блейк был одной из тех полубезумных божественных инкарнаций, которые время от времени являются во плоти, одним из гениальных сумасшедших, способных на короткое время возноситься в высшие сферы, а потом возвращаться, чтобы поделиться увиденным.

Попытаемся расшифровать смысл его строк?

Я думаю, под «вечностью» Блейк подразумевает более высокую сферу, чем его собственная, реальность, лежащую вне материи, в которой мы пребываем. В «вечности» отсутствует такая вещь, как время (или же в трактовке Блейка оно не отличается от «вечности»), и, возможно, нет и пространства. Эта сфера может быть населена высшими существами. Либо она — чистое сознание или чистый дух. Но, что бы это ни было, согласно Блейку, оно может «любить».

Если высшую сферу населяют какие-то существа, Блейк, я полагаю, считает их бестелесными. У них нет тел. Но у них есть связь со временем, в котором мы живем. Эти боги или духи действуют в материальном измерении. Они интересуются им.

Слова поэта «Вечность влюблена в творения времени», с моей точки зрения, означают, что небесные создания радуются, когда мы, существа, привязанные к материальному миру, способны дать физическое рождение музыке высших сфер.

Раз небеса радуются «творениям времени», так почему бы им слегка не подтолкнуть нас, чтобы мы произвели эти творения на свет? И тут сразу возникает образ Музы, нашептывающей в ухо художнику.

Вечность передает сообщения нам, запертым в рамки земного существования.

По мысли Блейка, **Пятая симфония существовала раньше, чем Бетховен уселся за рояль.**



Она существовала как возможность — без физического воплощения. Она еще не была музыкой. Вы не могли ее сыграть. Вы не могли ее услышать.

Нужен был кто-то — человек, художник (или, точнее, *гений, душа*), чтобы воплотить ее в жизнь. И Муза прошептала в ухо Бетховену то, что должна была прошептать. Может быть, она нашептывала эти несколько нот в миллионы других ушей. Но никто больше не услышал ее. Только Бетховен.

Он породил ее. Он сделал Пятую симфонию «творением времени», которое «вечность» «полюбила».

Таким образом, чем бы мы ни считали вечность — Богом, чистым сознанием, бесконечным разумом, богами, духами, — когда она слышит звуки

небесной музыки от существ земных, это приносит ей радость.

Иными словами, Блейк согласен с греками. Боги существуют. Они проникают в нашу земную сферу.

И это возвращает нас к Музе. Напомним, что Музы — дочери Зевса, отца богов, и Мнемозины, богини памяти. Довольно впечатляющая родословная.

Так что я поверю Ксенофону на слово; прежде чем сесть за работу, я сделаю минутную паузу и выражу уважение к этой невидимой Силе, которая может создать или разрушить меня.

ВЗЫВАНИЕ К МУЗЕ III

Художники призывали Музу с незапамятных времен. В этом есть великая мудрость. В этом есть волшебство, которое смиряет нашу гордыню и заставляет просить помощи у источника, который мы не можем увидеть, услышать, потрогать или понюхать. Вот начало «Одиссеи» Гомера:

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который
Долго скитался с тех пор, как разрушил священную Троию,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много духом страдал на морях, о спасеньи заботясь
Жизни своей и возврате в отчизну товарищей верных.
Все же при этом не спас он товарищей, как ни старался.
Собственным сами себя святотатством они погубили:
Съели, безумцы, коров Гелиоса Гиперионида.
Дня возвращенья домой навсегда их за это лишил он.
Муза! Об этом и нам расскажи, начав, с чего хочешь.

Этот отрывок заслуживает внимательного изучения. Во-первых, в нем говорится о *Музе*. Когда мы призываем Музу, мы обращаемся к богине, дочери Зевса, то есть не просто к потусторонней силе, но к высшей духовности. Мы просим не только божественного заступничества, но заступниче-

ства на высочайшем уровне, в одном шаге от вершины.

При этом Гомер не просит о выдающихся способностях или успехе. Он просто хочет, чтобы дело делалось.

При этом область вмешательства муз невероятно велика — от «Братьев Карамазовых» до вашей новой авантюры с фирмой по производству сантехники.

Мне также нравится подведение итогов испытаний Одиссея, которое составляет основу взывания. Это путешествие героя Джозефа Кэмпбелла¹, история простого человека. Есть исходное преступление (которое мы все неизбежно совершаем), мешающее герою благополучно вернуться домой и найти успокоение. Жажда искупления заставляет героя блуждать и неустанно искать свой истинный «дом», то есть милосердие Бога и путь к самому себе.

Мне особенно нравится предостережение против святотатства — использования священного в низких целях:

Собственным сами себя святотатством они погубили:
Съели, безумцы, коров Гелиоса Гиперионида.

Это тяжкое преступление, которое влечет разрушение души. Это проституция. Это отступничество.

¹ Американский исследователь мифологии, писатель.

Итак, мы призываем Музу затем, чтобы сделать свое творенье не просто великим, но и живым. Славно.

Мы прочитали нашу молитву. Мы готовы к работе. И что дальше?

МАГИЧЕСКАЯ СИЛА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ

Пока кто-то не возьмет на себя обязательство, все действия будут неэффективны, поскольку то и дело будут возникать сомнения, а также мысли о возвращении назад. Относительно всех инициатив есть одна простая истина, которая, если ее проигнорировать, сведет на нет бесчисленное число идей и планов: в тот момент, когда вы возьмете на себя обязательство, само провидение двинется вам навстречу. Все, что произойдет, произойдет для того, чтобы помочь вам, но этого никогда бы не произошло, если бы вы не приняли решение. От решения зависит весь поток дальнейших событий: всевозможные непредвиденные происшествия, встречи и материальная помощь, о которых вы и мечтать не смели. И все это пойдет вам на пользу. Сию же минуту хватайтесь за то, что вы можете или мечтаете сделать, и начинайте! Смелость таит в себе гений, силу и волшебство.

У.Х. Мюррей.

Путешествие шотландцев в Гималаи

Вы видели «Небо над Берлином» — фильм Вима Вендерса об ангелах среди нас? (Американский ремейк с Мег Райан и Николасом Кейджем

назывался «Город ангелов».) Мне кажется, что все показанное в этом фильме — правда. Я верю в существование ангелов. Они здесь, но мы не можем их видеть.

Ангелы работают на Бога. Их задача — помогать нам. Пробудить нас. Встряхнуть.

Ангелы — агенты эволюции. В каббале ангелы описываются как пучки света, олицетворяющего разум, сознание. Приверженцы каббалы верят в то, что над каждой травинкой парит ангел, шепчущий: «Расти! Расти!» Более того, я верю в то, что над всем человечеством парит один суперангел, кричащий: «Развивайся! Развивайся!»

Ангелы похожи на муз. Они знают вещи, которых мы не знаем. Они хотят помочь нам. Они стучатся в наши окна. Но мы их не слышим. Мы заняты какой-то ерундой.

Но вот когда мы начинаем...



Когда мы задумываем дело и всерьез беремся за него, преодолев страх, происходит нечто удивительное.

В скорлупе появляется трещина. Она похожа на первую трещину, которая появляется, когда цыпленок проклевывается из скорлупы. Ангельские акушерки собираются вокруг нас; они помогают нам, пока мы производим на свет самих себя, того человека, стать которым мы рождены, чья судьба закодирована в нашей душе, нашем демоне, нашем гени.

Когда мы начинаем, мы узнаем наш путь и позволяем ангелам войти и сделать свою работу. Они могут разговаривать с нами, и это делает их счастливыми. Это делает счастливым Бога. Вечность, как сказал бы Блейк, открыла ворота во время. И мы вошли.

МАГИЧЕСКАЯ СИЛА ДВИЖЕНИЯ

После работы я отправляюсь на прогулку в горы. Я беру с собой диктофон, потому что знаю: по мере того, как мое сознание будет замолкать при ходьбе, подсознание вмешается и начнет говорить:

«Словосочетание “смотреть искоса” на странице 342... надо бы заменить на “нежно поглядывать”. Ты повторился в главе 21. Последнее предложение — совсем как в середине главы 7».

Такой вот вздор приходит в голову. Приходит ко всем нам, каждый день, каждую минуту. Страницы, которые я пишу сейчас, были продиктованы внутренним голосом мне вчера; они заменяют предыдущее, более слабое введение в раздел. Теперь я записываю новый, улучшенный вариант — прямо с диктофона.

Этот процесс саморедактирования настолько привычен, что мы даже не замечаем его. Но это чудо. А его последствия просто поражают.

Но кто же в данном случае редактор? Кто дергает нас за рукава?

Что мы понимаем в устройстве наших душ, когда, без каких-либо усилий с нашей стороны или даже без каких-либо мыслей об этом, какой-то голос у нас в голове начинает давать нам советы (причем муд-

рые советы) о том, как выполнить нашу работу и прожить нашу жизнь? Чей это голос? Что за программа начинает работать, анализируя гигабайты информации, пока мы заняты чем-то еще?

Это ангелы?

Это музы?

Это бессознательное?

Это подсознание?

Что бы это ни было, оно умнее нас. Гораздо умнее. Нам не нужно рассказывать этому внутреннему редактору о том, что нужно делать. Он делает всю работу самостоятельно. Похоже, ему хочется работать. Похоже, ему это нравится.

Что именно он делает?

Он организует хаос.

Принцип организации встроен в природу. Даже сам хаос самоорганизуется. Выйдя из изначального беспорядка, звезды начинают двигаться по своим орбитам; реки текут к морю.

Когда мы, подобно Богу, начинаем создавать свою вселенную — книгу, оперу, новую компанию, — используются те же самые принципы. Наш сценарий превращается в трехактную структуру; наша симфония оформляется в ноты; наша фирма по производству сантехники находит оптимальную систему сбыта. Как это происходит? У нас появляются идеи. Озарения вспыхивают у нас в головах, когда мы бреемся, принимаем душ и, как это ни удивительно, даже когда мы работаем. Ангелы, отвечающие

за это, очень умны. Если мы что-нибудь забываем, они нам напоминают. Если мы отклоняемся от курса, они возвращают нас. Какие выводы мы можем сделать из этого?

Очевидно, что в работу вступает некий высший интеллект, независимый от нашего сознания и все же объединенный с ним, который обрабатывает наш материал для нас и рука об руку с нами.



Вот почему художники такие скромные. Они знают, что они не делают работу, а просто пишут под диктовку. Вот почему «нетворческие люди» ненавидят «творческих». Потому что они завидуют. Они чувствуют, что художники и писатели получили доступ к некоей энергетической системе, с которой они сами не могут установить связи.

Конечно, это чушь. Мы все креативны. У нас у всех одинаковая душа. Одни и те же повседневные чудеса происходят в наших головах день за днем, минута за минутой.

В ОТВЕТЕ ЗА ВСЕ

Когда мне было 20 с чем-то лет, я водил фуры компании *Burton Lines*, расположенной в городе Дарем, штат Северная Каролина. Я не слишком-то хорошо справлялся с этой работой — демоны саморазрушения овладели мной. Только слепое везение помогло выжить мне и тем бедолагам, которым случилось оказаться на шоссе вместе со мной. Это было трудное время. Я мучился от разлуки с женой и семьей. Однажды ночью я увидел сон.

Снилось мне, что я был членом экипажа авианосца. Только корабль стоял на суше. У него еще работали двигатели и аппаратура, но он был в полумиле от океана. Матросы понимали всю тяжесть ситуации, они очень сильно нервничали. Единственным светлым пятном было то, что на борту находился сержант морской артиллерии под прозвищу Ларго. Во сне казалось, что это самое крутое из всех возможных прозвищ. Ларго. Оно мне нравилось. Ларго был типичным пожилым сержантом, вроде персонажа Берта Ланкастера — Урдена — из фильма «Отныне и во веки веков». Единственный парень на корабле, который точно знает, что происходит, упрямый старый сержант, который принимает все решения и действительно командует парадом.

Но куда же подевался Ларго? Я, жалкий, стоял у железной дороги, когда подошел капитан и начал со мной говорить. Даже он заблудился. Это был его корабль, но он не знал, как вытащить его с суши. Я нервничал, начинал разговаривать со старшими офицерами и не мог придумать, что бы такое сказать. Капитан, похоже, не замечал этого; он просто случайно повернулся ко мне и сказал: «Что нам, черт возьми, делать, Ларго?»

Я проснулся, словно от удара тока. Я был Ларго! Я был тем опытным старым воякой. Я мог принять на себя всю ответственность, мне нужно было только поверить в это.

Откуда взялся этот сон? Очевидно, что он говорил о чем-то хорошем. Но что стало причиной? И что мы можем с его помощью понять во внутренних механизмах вселенной?

Опять же, у нас у всех бывали такие сны. Они совершенно обычны. Как восход солнца. Но из-за этого они не становятся менее чудесными.

До приезда в Северную Каролину я работал на нефтепромысле возле города Бурас, штат Луизиана. Я жил в трейлере вместе с кучей других таких же перекасти-поле. Один из этих парней купил в книжном магазине в Новом Орлеане дешевую книжку о медитации и учил меня тому, как это делается. Обычно по вечерам после работы я приходил к нему и пробовал войти в это состояние. Однажды ночью я увидел такой сон.

Я сидел на полу, скрестив ноги, как вдруг в комнату влетел орел и сел мне на плечо. Орел слился со мной и начал взлетать, в результате чего моя голова стала его головой, а мои руки — его крыльями. Это казалось абсолютно реальным. Воздух у меня под крыльями казался таким же жестким, как вода, когда вы гребете веслами. Это было важно. Вы могли отталкиваться от нее. Значит, вот как летают птицы! Я понимал, что птица не упадет с неба: ей нужно было лишь расправить крылья; твердый воздух поддерживал бы ее той самой силой, которую мы ощущаем, когда высовываем руку из окна движущегося автомобиля. Все это произвело на меня чрезвычайно сильное впечатление, хотя я не имел ни малейшего представления о том, в чем состоял смысл происходящего. Я спросил у орла: «Слушай, а что я должен извлечь из этого?» Голос ответил (беззвучно): «Ты должен понять, что вещи, о которых ты думаешь, будто они — ничто и невесомы, как воздух, на самом деле — мощные и важные силы, такие же реальные и твердые, как земля».

Я понял. Орел рассказывал мне о том, что сны, видения и медитации, подобные этой, — которыми я раньше пренебрегал, считая их фантазиями и иллюзиями, — были столь же реальными, как происходящее наяву.

Я поверил орлу. Я получил послание. Как я мог не поверить? Я ощущал твердость воздуха. Я знал, что он говорил правду.

И это возвращает нас к вопросу: откуда взялся орел? Почему он появился в нужный момент, чтобы рассказать как раз то, что мне нужно было услышать?

Несомненно, его создал некий невидимый разум, придав ему облик орла, чтобы я мог понять то, что мне хотели сообщить. Этот разум обращался со мной, как с ребенком. Держался просто. Высказывал свои соображения столь ясно и просто, что даже такой оцепеневший и сонный человек, как я, мог это понять.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Помните фильм «Билли Джек», в котором играет Том Лофлин? Фильм и его сиквелы давно уже переместились на кабельное телевидение, но Том Лофлин все еще активно снимается. В дополнение к своей работе в кино он лектор, автор книг и психолог, чья специальность — работа с людьми, которым поставили диагноз «рак». Том Лофлин обучает и ведет семинары; вот что он говорит:

В тот момент, когда человек узнает, что у него последняя стадия рака, в его душе происходит глубокий сдвиг. В один миг в кабинете врача он осознает, что с ним случилось. Вещи, которые 60 секунд назад казались важнее всего, внезапно становятся бессмысленными, а люди и проблемы, которые он до этого игнорировал, сразу приобретают первостепенную важность.

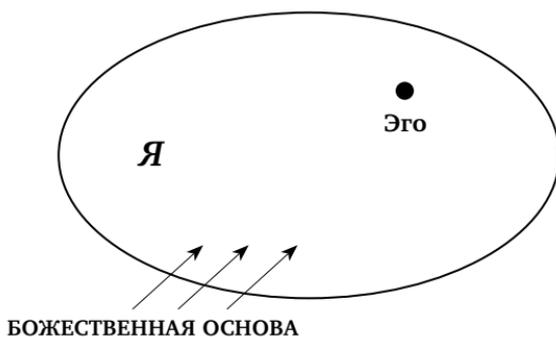
Он осознает: может быть, работа над этой крупной сделкой не так уж и важна. Может быть, гораздо важнее полететь на самолете через всю страну на выпускной бал внука. Может быть, не так уж важно, что последнее слово в ссоре с женой осталось за ним. Может быть, вместо этого ему следовало рассказать ей, как много она значит для него и как он всегда любил ее.

К больному со смертельным диагнозом приходят и другие мысли. Что случилось с его способностями к музыке? Что стало с бывшим желанием помогать больным и бездомным?

Почему эти непрожитые жизни возвращаются к смертельно больным?

Том Лофлин уверен, что при столкновении с надвигающейся смертью все наши представления о жизни ставятся под сомнение. Что значит наша жизнь? Прожили ли мы ее правильно? Есть ли жизненно важные поступки, которых мы не совершили, решающие слова, которых мы не произнесли? Не слишком ли поздно?

Том Лофлин рисует схему души, модель в духе Юнга, которая выглядит примерно так:



Эго, объясняет Юнг, — это часть души, которую мы считаем нашим Я. Наш мыслящий ум. Наш мозг, который думает, планирует и руководит нашей повседневной жизнью.

Я в представлении Юнга — более крупная сущность, включающая Эго, а также личное и коллективное бессознательное. Сны и интуитивные знания идут от Я. Там пребывают архетипы бессознательного. Это, как верил Юнг, сфера души.

Как утверждает Том Лофлин, в момент, когда мы узнаем, что вскоре умрем, расстановка сил в нашем сознании изменяется.

Акцент перемещается из Эго в Я.

Из Я мир видится совершенно по-новому. Мы сразу видим, что действительно важно. Мелкие заботы пропадают, и их заменяет более глубокий, более серьезный взгляд на вещи.

Вот как организация Тома Лофлина борется с раком. Он советует своим клиентам не только мысленно произвести этот сдвиг, но и прочувствовать его в реальности. Он поддерживает домашнюю хозяйку в намерении возобновить занятия социальной работой, требует, чтобы бизнесмен вернулся к скрипке, помогает ветерану Вьетнама писать его роман.

Самым чудесным образом раковые заболевания переходят в стадию ремиссии. Люди выздоравливают. Возможно ли, спрашивает Том Лофлин, что само заболевание возникает как результат действий, совершенных (или не совершенных) в наших жизнях? Могли ли наши непрожитые жизни отомстить нам в форме рака? А если могли, то можем ли мы вылечиться, прожив их?

Я И ЭГО — КТО ПОБЕДИТ?

Я думаю, что ангелы проживают в Я, в то время как Соппротивление располагается в Эго.

Между ними идет битва.

Я стремится создавать, развиваться. Эго любит мир таким, каков он есть.

Но что же такое Эго? Поскольку это моя книга, я определю его по-своему.

Эго — та часть души, которая верит исключительно в материальное существование.

Работа Эго — заниматься делом в реальном мире. Это важная работа. Мы не могли бы прожить без нее и дня. Но есть миры, отличные от реального, и там Эго чувствует себя неуютно.

Вот во что верит Эго:

- 1) *Смерть реальна.* Эго верит в то, что наше существование определяется нашей физической плотью. Когда умирает тело, умираем и мы. За жизнью нет никакой другой жизни.
- 2) *Время и пространство реальны.* Эго — аналоговое устройство. Оно верит: чтобы попасть из пункта А в пункт Z, мы должны пройти через пункты В, С и D. Чтобы перейти от завтрака к ужину, мы должны прожить целый день.

- 3) *Каждый человек отличен и отделен от другого.* Это уверено, что я отличаюсь от вас. Параллельные прямые не пересекаются. Я могу навредить вам, и мне за это ничего не будет.
- 4) *Главный импульс жизни — инстинкт самосохранения.* Поскольку наше существование физическое и, следовательно, люди подвержены бесчисленным порокам, мы живем и действуем из страха перед всем, что мы делаем. Это верит: после смерти наше дело продолжат наши дети, а наши великие дела будут жить после нас. Главное — застегивать ремни безопасности.
- 5) *Бога нет.* Не существует мира, кроме материального, и не работают никакие правила, кроме правил материального мира.

Это принципы, которыми живет Эго. Они кажутся прочными.

А вот во что верит Я:

- 1) *Смерть — иллюзия.* Душа продолжает существовать и развиваться в ходе бесконечных воплощений.
- 2) *Время и пространство — иллюзии.* Время и пространство действуют только в физической сфере, и даже здесь они не применимы к снам, видениям, сильным эмоциям. В других измерениях мы двигаемся с быстротой мысли, раздвигая границы пространств.

- 3) *Все мы — это одно существо.* Если я причиняю вред вам, я причиняю вред себе.
- 4) *Высшая эмоция — любовь.* Соединение и взаимопомощь — настоятельные необходимости жизни. В этом — мы все.
- 5) *Бог — это все, что существует.* Все существующее — это Бог в той или иной форме. Бог, божественная основа — это то, в чем мы живем. Существует бесконечное множество уровней реальности, и все они созданы, поддерживаются Богом и пронизаны Его духом.

ПУТЬ К Я

Вы когда-нибудь думали о том, почему сленговые обозначения наркотической или алкогольной интоксикации всегда связаны с разрушением? «Убитый», «расплющенный», «обдолбанный» ... Потому, что они рассказывают об Эго. Именно Эго убивается, расплющивается, обдолбывается. Мы разрушаем Эго, чтобы прийти к Я.

У Я — божественная основа. Она обозначает Тайну, Пустоту, источник Бесконечной Мудрости и Сознания.

Сны приходят из Я. Идеи приходят из Я. Когда мы медитируем, мы обретаем Я. Когда мы бьемся головой о стену, молимся, ищем озарений — на самом деле мы ищем Я. Когда дервиш кружится, когда йог читает мантры, когда садху калечит свою плоть, когда кающиеся грешники проползают сотни миль на коленях, когда индейцы делают надрезы на коже во время Пляски Солнца, когда подростки принимают экстази и танцуют всю ночь под рейв — они ищут Я. Когда мы намеренно изменяем наше сознание тем или иным способом, мы пытаемся отыскать Я. Когда алкоголик падает лицом в грязь, голос, который говорит ему: «Я спасу тебя», принадлежит Я.

Я — наша глубочайшая сущность.

Я соединено с Богом. Я неспособно лгать.

Я, как и порождающая его божественная основа, постоянно растет и постоянно развивается. Я устремлено в будущее. Вот почему Эго ненавидит его.

Эго ненавидит Я, потому что, когда мы переходим в Я, мы выводим Эго из игры.

Эго не хочет, чтобы мы развивались. Эго командует парадом прямо сейчас. Оно любит вещи такими, какие они есть.

Инстинкт, который толкает нас к искусствам и самопознанию, — это импульс к развитию, к обучению, к совершенствованию нашего сознания. Эго ненавидит это. Потому что, чем быстрее мы пробуждаемся, тем меньше мы нуждаемся в Эго.



Эго ненавидит, когда писатель садится за пишущую машинку.

Эго ненавидит, когда художник встает к мольберту.

Ненавидит, потому что знает: эти души пробуждаются. Они пробуждаются благодаря зову, который исходит из более глубокого и мощного, чем физический, источника.

Эго ненавидит пророков и провидцев — Сократа и Иисуса, Лютера и Галилея, Линкольна, Кеннеди и Мартина Лютера Кинга, — потому что они ведут человечество к духовным вершинам.

Эго ненавидит художников, потому что они первопроходцы и опора будущего, потому что каждый из них осмеливается, говоря словами Джеймса

Джойса, «ковать в кузнице души спящее сознание моего народа».

Такая эволюция смертельно опасна для Эго. И оно реагирует соответствующим образом: мобилизует свое коварство, выстраивает свои отряды.

Эго создает Сопротивление и атакует пробуждающегося художника.

СТРАХ

С опротивление подпитывается страхом. Мы ощущаем Сопротивление как страх. Но страх перед чем? Страх перед тем, чтобы последовать зову сердца. Страх перед банкротством, нищетой, безденежьем. Страх перед унижением, перед проигрышем, когда мы вынуждены поджимать хвост и отползая назад, туда, откуда мы начинали. Страх показаться эгоистами, страх измены, страх невозможности прокормить семью, страх принести мечты наших близких в жертву нашим устремлениям. Страх предать свой народ, родину, близких. Страх неудачи. Страх быть смешным. Страх оказаться неблагодарными по отношению к близким, которые стольким пожертвовали ради того, чтобы мы получили достойное образование, нашли хорошую работу и т. д. Страх оказаться в пустоте, страх предать свои убеждения; страх того, что мы не сможем повернуть назад, не сможем «аннулировать контракт» и последствия однажды принятого решения будут преследовать нас всю жизнь. Страх безумия. Страх смерти.

Это серьезные страхи. Но преодолимые.

Итак, это страх, который мы преодолеем.

Мы обретаем силы, которые спят внутри нас, — и мы втайне знаем об этом.

Так мы сможем стать самими собой.

И эта перспектива поистине ужасна, потому что она за раз отрывает нас (как нам кажется) от близких людей, социума, всего того, к чему наша душа прочно привязана уже 50 миллионов лет.

Мы боимся обнаружить, что мы больше, чем сами о себе думаем. Больше, чем думают наши родители, дети и учителя. Мы боимся того, что действительно обладаем талантом, о котором нам говорит наш внутренний голос, что у нас действительно есть мужество, настойчивость, способности. Мы боимся того, что мы способны вести наше судно, водрузить наш флаг на мачту, достичь Земли обетованной. Мы боимся потому, что если это правда, то нам придется отказать от всего, к чему мы привыкли. Мы покинем стандартную оболочку. Мы превратимся в монстров.

Ведь если мы стремимся к нашим идеалам, мы должны доказать их ценность. А это пугает нас до смерти. Что с нами станет? Мы потеряем наших друзей и родных, которые перестанут узнавать нас. Мы окажемся в одиночестве, в холодной пустоте, где ничто и никто нас не поддержит.

Конечно, именно так и произойдет. Но тут есть одна хитрость. Мы оказываемся в пустоте, но не в одиночестве. Мы получаем доступ к неиссякаемому, неистощимому, неисчерпаемому источнику мудрости и созидания. Да, мы теряем друзей. Но мы и находим друзей там, куда мы никогда не догадывались заглянуть. И это настоящие лучшие друзья. Вы верите мне?

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ

У вас есть дети? Тогда вы знаете, что никто из них не был чистым листом бумаги. Каждый из них пришел в этот мир наделенным выраженной и уникальной индивидуальностью. Каждый ребенок был тем, кем он был. Даже совершенно одинаковые близнецы, сделанные из одного генетического материала, были совершенно разными с самого первого дня и всегда будут такими.

Лично я согласен с Вордсвортом¹:

Рожденье наше — только сон забвенья,
Душа, что жизнь зажгла в нас, — вещей чародей,
Слетела в наши жалкие селенья
Из чудных, сказочных, далеких областей.

Не в наготе, без проблесков сознания
Минувшего, — нет!
Облачившись в свет
Непреходящей славы, мы —
Его создання —
Грядем из лона Бога Мироздания.
В нем — наш очаг;
Иной Отчизны нет!

¹ Уильям Вордсворт (1770–1850) — английский поэт.

Иными словами, никто из нас не рождается пассивным сгустком материи, ждущим, пока мир поставит на него свое клеймо. Мы появляемся уже наделенными утонченной и уникальной душой.

Можно думать об этом и так: **уже при рождении наш выбор ограничен нашей личностью.**



Мы не можем достичь всего, чего захотим.

Мы приходим в этот мир с определенным, индивидуальным предназначением. У нас есть работа, которую мы должны сделать, призвание, которому мы должны следовать, Я, которое мы должны обрести. Мы — те, кто мы есть, с самой колыбели, и это определяет нашу судьбу.

Наша работа в этой жизни — не формировать из себя некий идеал, которым, по нашим представлениям, мы должны стать, но выяснить, кто мы на самом деле.



Если вы рождены рисовать, ваша задача — стать художником.

Если вы рождены растить и воспитывать детей, ваша работа — быть родителями.

Если вы рождены бороться с несправедливостью, ваша работа — понять это и приступить к делу.

ИЕРАРХИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ СВОЕГО МЕСТА В ЖИЗНИ

В животном мире особи определяют себя двумя способами — своему месту в иерархии (курица в очередности клева, волк в стае) или своей принадлежностью к территории (основное место базирования, территория охоты, контролируемая территория).

Именно так индивиды — как люди, так и животные, — достигают психологической безопасности. Они знают, где находятся. Мир становится логичным.

Похоже, что стремление к построению иерархии является «настройкой по умолчанию». Именно она автоматически активизируется у людей еще в детском возрасте. Мы вливаемся в стаи и группы, совершенно не думая об этом. Мы знаем, кто из нас — хозяин положения, а кто — неудачник. Мы понимаем свое место. Мы определяем себя — похоже, инстинктивно, — по нашему положению в школьном дворе, в банде, в клубе.

И лишь позже, обычно — после сурового обучения в университете несчастий, мы начинаем изучать альтернативы.

Некоторым из нас это спасает жизнь.

СТРЕМЛЕНИЕ К ИЕРАРХИИ

Большинство из нас бессознательно встраивает себя в иерархию. И немудрено. Школа, реклама, вся материалистическая культура муштруют нас с самого рождения, чтобы мы определяли себя мнениями других людей. Пейте это пиво, получите эту работу, выглядите таким образом — и все вас любят. Но что же такое иерархия?



Голливуд — это иерархия. Равно как Вашингтон, Уолл-стрит и «Дочери американской революции»¹.

Высшая школа — торжество иерархии. И она работает: танцовщица из университетской группы поддержки знает свое место в системе, равно как и слабый игрок в шахматном клубе. Каждый нашел себе нишу. Система работает.

Однако у иерархической структуры есть проблема. Когда число ее членов становится слишком большим, все разрушается. Очередность клева может поддерживаться только для определенного количества цыплят. Вы можете найти свое место в гимназии Массапекуа. Но отправьтесь в Нью-Йорк — и там этот фокус уже не пройдет. Нью-Йорк —

¹ Daughters of the American Revolution — женская общественная организация национал-патриотического толка.

слишком большой город, чтобы функционировать по иерархическому принципу. Равно как и компания IBM. Индивид в столь крупных системах чувствует себя подавленным, безликим. Он погрузился в массу. Он потерялся.

Очевидно, вследствие эволюции мы, люди, чувствуем себя более комфортно в группе, насчитывающем от 20 до, скажем, 800 особей. Возможно, мы можем увеличить это число до нескольких тысяч или даже до пятизначной цифры. Но в какой-то момент оно достигнет своего предела. Наш мозг не может хранить в памяти так много лиц. Мы мечемся вокруг, сверкая нашими символами престижа («Эй, как тебе мой “Линкольн Навигатор”?») и удивляясь, почему это никого не колышет.

Мы вошли в массовое общество. Иерархия слишком сложная. И она больше не работает.

ХУДОЖНИК И ИЕРАРХИЯ

Для художника определять себя через иерархию губительно.

Давайте выясним, почему. Во-первых, посмотрим, что происходит в иерархической структуре.

Индивид, определяющий себя своим местом в иерархии, будет:

- 1) конкурировать со всеми остальными, стремясь повысить свой статус, подтянувшись к тем, кто находится выше него, при этом защищая свое место от наступающих снизу;
- 2) оценивать свое счастье/успех/достижения своим рангом в иерархии, чувствуя себя наиболее удовлетворенным вверху и наиболее несчастным внизу;
- 3) действовать по отношению к другим на основе их положения в иерархии, не принимая при этом во внимание все прочие факторы;
- 4) оценивать каждый свой шаг исключительно по воздействию его на окружающих. Он будет действовать для других, одеваться для других, говорить для других, думать для других.

Однако художник не может следовать своему призванию, ориентируясь на окружающих. Если вы

не верите мне, спросите у Ван Гога, который создавал шедевр за шедевром, но за всю свою жизнь так и не нашел на них покупателя.

Художник должен действовать, опираясь на внутреннее понимание своего места во вселенной. Он должен делать свою работу из любви к искусству.

Работать в искусстве по любой причине, кроме любви к нему, — это проституция. Вспомните судьбу спутников Одиссея, которые зарезали коров бога Солнца:

Собственным сами себя святотатством они погубили:

Съели, безумцы, коров Гелиоса Гиперионида.

Дня возвращенья домой навсегда их за это лишил он¹.

В иерархии художник вынужден быть экстравертом. Встречая нового человека, он спрашивает себя: что он может сделать для меня? Как этот человек может улучшить мое положение?

В иерархии художник смотрит вверх и вниз. Хотя единственное место, куда он должен смотреть, — внутрь себя.

¹ Гомер, «Одиссея».

КТО ТАКИЕ РАЙТЕРЫ?

Я узнал это от Роберта Макки. Райтер, говорит он, это писатель, полностью зависящий от аудитории, ориентированный исключительно на нее, но при этом ее презирающий. Когда райтер садится за работу, он не спрашивает себя, что происходит в душе. Он спрашивает, что нужно рынку.

Райтер снисходит до своей аудитории. Он думает, что он выше этих людей. На самом деле он боится их до смерти или, говоря точнее, он боится показаться им искренним, боится написать то, что он действительно чувствует, или то, во что верит, то, что кажется ему интересным. Вдруг это не будет продаваться? Поэтому он пытается угадать, чего хочет рынок, и дать это.

Иными словами, райтер пишет, будучи встроенным в иерархию. Он пишет то, что, по его представлениям, будет хорошо выглядеть в чужих глазах. Он не спрашивает себя: что я хочу написать? Что я считаю важным? Вместо этого он спрашивает: что сейчас популярно, на чем я смогу сделать деньги?

Райтер подобен политику, который советуется с избирателями, прежде чем занять позицию по какому-либо вопросу. Он демагог. Он сводник.

Это может быть выгодно — писать на заказ. Учитывая развращенность американской культуры,

хитрый хлыщ может заработать миллионы, сочиня заказные тексты. Но даже если вы преуспели в этом деле, в действительности вы проиграли, потому что вы продали вашу Музу, а ваша Муза — это то лучшее, что есть в вас.

Я вел голодную жизнь киносценариста, когда у меня родилась идея «Легенды Баггера Ванса». Я задумывал книгу, а не фильм. Я встретился со своим агентом, чтобы сообщить ему дурные новости. Мы оба знали, что первые романы продаются за совершенно смешную цену. Хуже того, роман о гольфе, даже если бы мы смогли найти издателя, явно оказался бы в мусорной корзине.

Но у меня была Муза. Я должен был это сделать. К моему изумлению, книга оказалась с точки зрения критики и продаж более успешной, чем все, что я написал когда-либо. Почему? Я верил в то, что нравилось мне, а не в то, что, по моему мнению, должно было сработать. Я делал то, что сам считал интересным, а признание моих успехов оставил богам.



Художник не может делать свою работу, ориентируясь на общество. Он должен работать, глядя внутрь себя. Художник должен найти свое собственное место.

ЧУВСТВО СВОЕЙ ТЕРРИТОРИИ

Если пойти вверх по склону от моего дома, то можно встретить трехногого койота. Он там живет. Ему принадлежат все мусорные контейнеры в окрестностях. Это его территория. Время от времени какой-нибудь нарушитель с четырьмя лапами пытается захватить ее. Но ему это не удастся. На своей территории даже покалеченное животное непобедимо.

У нас, людей, тоже есть «свои» территории. Территория Стиви Уандера — пианино. Территория Арнольда Шварценеггера — тренажерный зал. Когда Билл Гейтс заезжает на автостоянку компании Microsoft, он оказывается на своей территории. Когда я сажусь писать — я оказываюсь на своей.

Что же такое — территория человека? Его место?

1. *Если мы на своем месте — мы уверены в себе, мы прочно стоим на ногах.* Бегуны знают, что такое чувство своей территории. Равно как скалолазы, гребцы и йоги. Художники и предприниматели тоже знают, как важно занимать свое место. Профессиональная пловчиха после прохождения труднейшей дистанции чувствует себя куда как лучше, чем усталая раздраженная женщина, которая нырнула в бассейн на 30 минут после рабочего дня в офисе.

2. *Ощущение того, что мы на своей территории, поддерживает нас само по себе.* Территория — это замкнутая система. Наша роль — прикладывать усилия, работать с любовью; а взамен получить благополучие и достаток. Именно это имеют в виду специалисты, когда они рассказывают нам, что физические упражнения (или любая другая деятельность, требующая усилий) избавляет от депрессии.
3. *Ваша территория — это исключительно личное пространство.* Вы можете работать в команде, вы можете работать вместе с другим. Но вы и только вы должны впитывать в себя энергию вашей территории.
4. *Свое место добывается тяжелым трудом.* Когда Арнольд Шварценеггер попадает в тренажерный зал, он оказывается на своей территории. Но чтобы сделать ее своей, ему потребовались часы и годы упорного труда.
5. *В качестве награды ваше место — сфера приложения усилий — дает ровно столько, сколько вы в нее вложили.* Территории честны. Каждая частица энергии, вложенная вами в выбранную область деятельности, обязательно поступает на ваш счет. Это инвестиции, которые никогда не девальвируются. Здесь все честно. То, что вы вложили, вы получаете обратно, доллар в доллар.

ХУДОЖНИК И ЕГО ТЕРРИТОРИЯ

Процесс творчества по определению связан с поиском своего места, ниши. Подобно тому, как будущая мать вынашивает в себе дитя, художник или изобретатель пестует в себе свою новую идею. Никто не поможет им ее родить. Но им и не нужна чья-либо помощь.

Мать и художник охраняются небесами. Природа знает, когда для таящейся внутри жизни приходит время переходить с жабр на легкие. Она знает это с точностью до наносекунды.

Когда художник встроен в иерархию, он действует в обход Музы. Он оскорбляет Музу и злит ее.

Художник и мать — орудия, а не создатели. Они не создают новой жизни, а только вынашивают ее. Вот почему роды кажутся многим столь унижительным занятием. Новоиспеченная мамочка плачет от благоговейного трепета перед маленьким чудом, лежащим у нее на руках. Она знает, что оно появилось из нее, через нее, но не от нее.

Когда художник работает «на своей территории», он чтит небеса. Он присоединяется к загадочным силам, которые питают вселенную и хотят с ее помощью произвести новую жизнь. Делая свою работу, он отдает себя в услужение этим силам.

Помните: мы, как художники, не так уж бесполезны. И мы доказываем это ежедневно. Для нас пытаться перехитрить нашу Музу, как это делает райтер со своей аудиторией, — значит проявить неуважение к небесам. Это богохульство и кощунство.

Вместо этого давайте спросим у себя, как будущая мать: что внутри меня? Пусть я дам ему появиться на свет ради него самого, а не ради дивидендов, которые я смогу получить за это.

КАК ВЫЯСНИТЬ, ОРИЕНТИРОВАНЫ МЫ НА ИЕРАРХИЮ ИЛИ НА ПОИСК СВОЕЙ УНИКАЛЬНОЙ НИШИ?

Один из способов — спросить самих себя: «Если бы я попал в неприятную ситуацию, что бы я сделал в первую очередь?» Если бы вы сняли телефонную трубку и позвонили по очереди шести друзьям, чтобы услышать их голоса и убедиться, что они еще любят нас, — значит, вы ориентированы на иерархию.

Вам важно мнение других людей.

Что бы Арнольд Шварценеггер сделал в тяжелый день? Он не стал бы звонить своим приятелям, вместо этого он отправился бы в тренажерный зал. Его не волновало бы, что в зале пусто. Он знает, что тренировки в полном одиночестве достаточно для того, чтобы вернуть себе уверенность.

Он ориентирован на свою уникальную нишу, на свое место в жизни.

А вот другой тест. Спросите себя: «Если бы я оказался последним человеком на планете, чем бы я стал заниматься?»

Если вы — один-единешенек на планете, стремление встроиться в иерархию не имеет смысла. Ведь впечатлять некого. И если вы ответили бы, что продолжили бы заниматься своим делом, примите мои

поздравления. Вы ориентированы на обретение собственной территории.



Если бы Арнольд Шварценеггер оказался последним человеком на Земле, он все равно пошел бы в тренажерный зал. Стиви Уандер играл бы на фортепиано. Их поддерживает работа сама по себе, а не впечатление, которое они производят на окружающих. У меня есть подруга, которая очень любит наряжаться. Если бы она осталась последней женщиной на Земле, она помчалась бы напрямик в бутик, сметая все на своем пути, и начала бы мародерствовать. Она бы при этом не стремилась произвести впечатление на других. Просто она любит одежду. Это ее территория.

А теперь: что мы представляем собой как художники?

Как мы делаем нашу работу? Стремясь занять место в иерархии или найти уникальную нишу?

Если бы мы были не в себе, понесли бы нас наши ноги на работу?

Если бы мы остались последними людьми на планете, мы все равно появились бы в студии, в репетиционном зале, в лаборатории?

ВЫСШАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Однажды кто-то попросил спартанского царя Леонида определить высшую воинскую доблесть, из которой вытекают все остальные. Он ответил: «Презрение к смерти».

Для нас, художников, смерть — это провал. Презрение к провалу — наша главная добродетель. Сосредоточившись исключительно на собственных мыслях и действиях — иными словами, на работе и ее требованиях, — мы выбиваем почву из-под ног размахивающего копьём врага.

ПЛОДЫ НАШЕГО ТРУДА

Когда Кришна учил Арджуну, что у нас есть право на наш труд, но не на плоды нашего труда, он советовал воину найти свое место, а не оглядываться на окружающих. Мы должны делать нашу работу ради нее самой, а не ради богатства, внимания или аплодисментов.

Но есть еще третий путь, не связанный ни с иерархией, ни с поиском своей территории. Делать работу и отдавать ее Ему. Делать дело как приношение Богу.

Дайте деяние мне.

Очищенные от надежды и Эго,

Сосредоточьте ваше внимание на душе.

Действуйте и делайте для меня¹.

Наши творенья так или иначе приходят с небес. Почему бы тогда не вернуть их назад?

Такой труд, как учит нас «Бхагавад-Гита», — это вид медитации и высшая форма духовного служения. Я также считаю, что он лучше всего согласуется с высшей реальностью. По сути, мы — слуги Тайны. Мы оказались на нашей планете, чтобы стать посред-

¹ «Бхагавад-Гита».

никами Бесконечности, чтобы с нашей помощью появилось то, чего еще нет, но будет.

Каждый вдох, который мы делаем, каждый удар сердца идут от Бога и поддерживаются Богом каждую секунду, подобно тому, как каждое создание, изобретение, каждая нота или строчка стихотворения, каждая мысль, видение, фантазия, каждая дурацкая выходка и каждая гениальная мысль идут из того бесконечного разума, который создал нас и вселенную из Пустоты, поля бесконечных возможностей, изначального хаоса, Музы. Признать эту реальность, позволить работе войти внутрь нас и позволить ей свободно вернуться к ее источнику — это, по моему мнению, как нельзя лучше соответствует нашей миссии на Земле.

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА

И так, мы нарисовали своего рода модель мира художника, признав существование других, более высоких уровней реальности, о которых мы ничего не можем рассказать, но из которых возникают наши жизни, наша работа, наше искусство. Эти сферы пытаются сообщаться с миром материального. Когда Блейк сказал, что «Вечность влюблена в творенья времени», он имел в виду эти вневременные и внепространственные силы, страстно стремящиеся к воплощению в материальном мире, ограниченном во времени и определяемым пространством.

Художник — слуга этих ангелов, Музы. Враг художника — ничтожное Эго, которое порождает Сопротивление, дракона, охраняющего золото. Вот почему художник должен быть воином, и, подобно всем воинам, художники со временем обретают скромность и смирение. Некоторые из них могут на публике вести себя вызывающе. Но наедине с собой они становятся скромными и смиренными. Они знают, что не являются источником творений, которым они дают жизнь. Они только содействуют. Они проводники. Они — усердные и опытные орудия богов и богинь, которым они служат.

ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКА

Вы рождены писателем? Вы появились на Земле, чтобы стать художником, ученым, посланником мира? В конечном счете на этот вопрос можно ответить только реальными действиями. Так что все в ваших руках.

Если вам предназначалось найти лекарство от рака, написать симфонию или осуществить холодный ядерный синтез, а вы этого не сделали, вы не просто вредите себе — вы разрушаете себя. Вы причиняете вред вашим детям. Вы причиняете вред мне. Вы причиняете вред планете.

Вы позорите ангелов, которые охраняют вас, и обижаете Всемогущего, который создал вас и только вас с вашими уникальными дарами для одной-единственной цели — продвинуть человеческую расу на один миллиметр дальше на пути его возвращения к Богу.

Творчество и созидание — не борьба актера за внимание зрителей. Это подарок миру и каждому существу в нем. Не лишайте нас обманом этого подарка. Поделитесь!

АВТОР ВЫРАЖАЕТ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДУЮЩИМ ИСТОЧНИКАМ

Boogie Chillen

Авторы: Джон Ли Хукер, Бернар Босниан.

© 1998 Carters-IMS Music Publishing, Inc. (BMI)

Все права защищены. Использовано с разрешения.

Working Class Hero

Copyright 1970 (Renewed) Yoko Ono, Sean Lennon and Julian Lennon.

Все права принадлежат Sony/ATV Music Publishing, I Music Square West, Нэшвилл, штат Теннесси 37 203.

Все права защищены. Использовано с разрешения.

Большое несчастье

(The Big Chill)

Реплики героев фильма использованы с разрешения Лоуренса Кэздана.

© 1983

Все права защищены.

Искатели

(The Searchers)

Автор: Фрэнк С. Нагент

© 1958

С разрешения издателей и членов правления Loeb Classical Library® использован фрагмент из собра-

ния сочинений Ксенофонта (том VII, **Scripta minora**) в переводе Е. С. Мерчанта.

С разрешения Penguin Books Ltd. использован фрагмент издания сочинений Платона «Ферус и семьдесят восемь писем» (**Phaeorus and the seventh and eighth letters**) в переводе Уолтера Гамильтона.

С разрешения издателей и членов правления Loeb Classical Library® использован фрагмент издания собрания сочинений Аристотеля «Никомахова этика» (том XIX, **Nichomachean Ethics**) в переводе Х. Рэкхема.

Путешествие шотландцев в Гималаи (The Scottish Himalayan Expedition)

Автор: У.Х. Мюррей

© 1951 I. M. Dent and Sons, ltd.

Прессфилд Стивен

ВОЙНА ЗА КРЕАТИВ

Как преодолеть внутренние барьеры
и начать ТВОРИТЬ

Руководитель проекта *А. Ефимов*

Корректор *Е. Чудинова*

Компьютерная верстка *М. Поташкин*

Дизайн обложки *DesignDepot*

Иллюстрация *Ю. Валева*

Подписано в печать 08.08.2011. Формат 84×108/32.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Объем 6 печ. л. Тираж 3000 экз. Заказ № .

ООО «Альпина Паблицер»

123007, г. Москва, а/я 28

Тел. (495) 980-53-54

www.alpinabook.ru

e-mail: info@alpinabook.ru

«Альпина Паблицер» рекомендует



Пробуй — получится! Когда вы в последний раз что-то делали впервые?

Сет Годин, пер. с англ., 2011, 154 с.

Когда в последний раз вы начинали что-то по-настоящему новое? Новый бизнес? Новый проект? Если вы это делали уже давно, если вас останавливает страх неудачи или если вам непонятно, как к этому подступиться, то «Пробуй — получится!» — книга для вас. Часто, не решаясь сделать первый шаг, мы забываем о том, что все хорошие компании, идеи и продукты созданы теми, кто постоянно экспериментировал и выходил за рамки «зоны комфорта». Реализация любого проекта всегда сопряжена с рисками, но, если вы занимаетесь делом, к которому у вас лежит душа, не стоит бояться неудач. Рано или поздно вы обязательно добьетесь успеха.

Сет Годин, автор деловых бестселлеров, блестящий блогер и успешный предприниматель, призывает выйти за рамки обыденного и взять инициативу в свои руки. Он показывает, как начать новое дело, изменяя к лучшему не только свою жизнь, но и весь мир.



Максимальная самореализация Работа как внутренняя игра

Тимоти Голви, пер. с англ., 2-е изд., 2010, 264 с.

Книга известного тренера и коуч-консультанта Тимоти Голви показывает, как максимально раскрыть потенциальные возможности своего «Я», достичь высоких результатов, избежав при этом перегрузок и получая новые знания и удовольствие от работы. Как преодолеть скуку, связанную с рутинной работой? Как уметь подняться над тем, что мы делаем, и адекватно оценить обстановку и перспективы? Как научиться фокусироваться и как переключать внимание, чтобы дать себе возможность отдохнуть? Как поставить себя на место другого человека — ученика, клиента, покупателя — и научиться сопереживанию? Ответы на все эти и другие вопросы вы узнаете из книги. Метод Внутренней игры, разработанный Тимоти Голви, можно с успехом применить к любому виду деятельности.

Эти и другие книги вы можете заказать на сайте www.alpinabook.ru
и по телефону (495) 980-8077

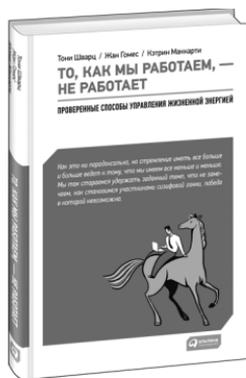
«Альпина Паблицер» рекомендует



Секс, деньги, счастье и смерть В поисках себя

Кетс де Врис Манфред, пер. с англ., 2011, 312 с.

Как современному человеку достичь гармонии между собой и окружающим миром? Как стать счастливым? И обязательно ли для этого нужны деньги? Наконец, надо ли бояться смерти? На страницах книги известный психолог и специалист в области управления Манфред Кетс де Врис ищет ответы на эти важнейшие жизненные вопросы. Используя свой опыт и знания в сферах менеджмента и психотерапии, он пытается получить «трехмерное изображение» человека и понять его сложнейшую природу. Готовых рецептов не существует, все ответы нужно искать внутри себя, но для этого придется совершить трудное и увлекательное путешествие в глубь своей души.



То, как мы работаем, — не работает Проверенные способы управления жизненной энергией

Тони Шварц при участии Жана Гомеаса и Кэтрин Маккарти, пер. с англ., 2011, 318 с.

Мы привыкли, что для того, чтобы больше сделать и больше заработать, нужно постоянно наращивать темп, засиживаться в офисе допоздна, работать без выходных и годами не ходить в отпуск. Но постоянный цейтнот и отсутствие отдыха подрывают креативность и снижают реальную производительность. Даже тем, кому удается сохранять высокие показатели, приходится расплачиваться собственным здоровьем в этой вселенской гонке за результатами. Такой изматывающий стиль работы неприемлем ни для людей, ни для организаций.

Авторы предлагают оптимальное решение этой проблемы за счет изменений в корпоративной культуре и в управлении жизненной энергией. Предлагаемые ими нововведения, основанные на сочетании труда и отдыха, просты и разумны, они позволяют улучшить жизнь каждого человека и каждой организации и стабильно получать высокие результаты.

Эти и другие книги вы можете заказать на сайте www.alpinabook.ru
и по телефону (495) 980-8077

Добро пожаловать в онлайн-библиотеку!

Нужные
книги
здесь
и сейчас!

ДЕЛОВАЯ
ОНЛАЙН
БИБЛИОТЕКА

www.lib.alpinabook.ru

В вашем распоряжении сотни книг издательств
«Альпина Паблишер» и «Альпина нон-фикшн»

Новинки добавляются *каждую неделю*,
до 10 новинок каждый месяц

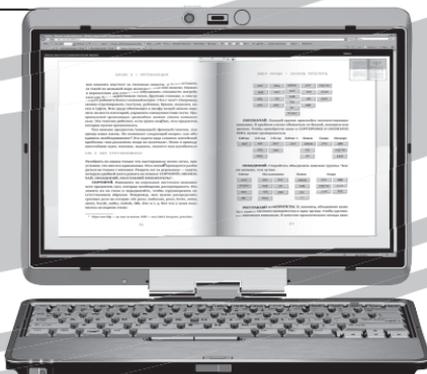
Став нашим клиентом, вы:

- Получите возможность тут же начать читать любую из имеющихся в библиотеке книг, вместо того чтобы искать ее в книжных магазинах или ждать доставки из интернет-магазина.
- За ту же сумму получите в 30 раз больше книг, чем если бы предпочли бумажные аналоги.
- Сможете читать новинки на два месяца раньше, чем они появятся в большинстве книжных магазинов.
- Сможете мгновенно найти в книге нужное слово или словосочетание.

*Звоните и получите **БЕСПЛАТНЫЙ** тестовый доступ!*

*Нужные книги —
здесь и сейчас*

lib@alpinabook.ru
www.lib.alpinabook.ru
Тел.: +7 (495) 980 8077





“ У Толстого было 13 детей, но это не помешало ему написать «Войну и мир». Лэнс Армстронг болел раком и семь раз подряд побеждал на велогонке Tour de France — и так далее.

Если бы Соппротивление нельзя было преодолеть, не было бы Пятой симфонии, «Ромео и Джульетты», моста «Золотые Ворота». Победа над Соппротивлением подобна родам. Это кажется совершенно невозможным, пока вы не вспоминаете, что женщины успешно справляются с этим делом, с поддержкой и без нее, уже многие тысячи лет.

”